

ИГОРЬ ВЛАСОВ

СТАЖЁР

«ЗАПРЕТНЫЙ МИР»

Запретный Мир

Игорь Власов

Стажёр

«Accent Graphics communications»

2014

Власов И. Г.

Стажёр / И. Г. Власов — «Accent Graphics communications»,
2014 — (Запретный Мир)

До очередного отпуска стажеру Космической Курьерской Службы Нику Соболеву остаются считанные дни, когда он получает задание доставить ценный груз на исследовательскую базу, работающую в дальнем секторе галактики. Там в режиме строжайшей секретности земные специалисты пытаются пробиться в область закапсулированного неизвестно кем и когда пространства. Для этих целей инженеры создают ультрасовременный челнок "Валькирия", который и является этим ценным грузом. Не подозревая об этом, Ник самовольно меняет заложенный в бортовой компьютер "Валькирии" курс, чтобы успеть вернуться к началу отпуска. Небольшая погрешность приводит к тому, что он оказывается внутри неизвестной звездной системы, отрезанный от остальной Вселенной чудовищно искривленным пространством. Что ждет его впереди? Сумеет ли он преодолеть все испытания на тернистом пути домой?

© Власов И. Г., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Игорь Власов

Стажёр

Глава 1

Ник соскочил с кровати, ошарашенно пытаясь понять, где находится и откуда исходит мерзкий зум видеофона. Наконец, с третьей попытки, ему удалось нащупать сенсорную панель. Экран остался тусклым, и женский механический голос произнес:

– Стажеру Нику Соболеву явиться на командный пункт в 7:15 по внутреннему времени для получения инструкций! Отбой.

Ник бросил взгляд на мерцающий в полумраке каюты циферблат. Было 6:45. Сонное сознание еще пыталось цепляться за обрывки приятных сновидений, но они ускользали, распаваясь на разрозненные пазлы.

– Черт побери! – Ник помассировал ладонями лицо, пытаясь отогнать остаточную дремоту. – До вахты целых три часа! К чему такая спешка?

Он хотел еще что-то добавить, но вспомнил с вечным прищуром взгляд Шефа, как за глаза все называли капитана базы, и послушно поплелся в ионный душ.

«Терпение, дружок, до отпуска осталось каких-то две недели! – подбодрил он себя, и сердце радостно подпрыгнуло. – Вот уж оторвусь по полной!»

Ему как стажеру курьерской службы полагалось целых тридцать земных суток очередного отпуска. Ник загодя распланировал чуть ли не каждый день столь долгожданного события. В первую очередь он отправится, конечно, на Землю к родителям и бабушке. Бабушка была экзобиологом, хорошо известным в научных кругах. В молодости ей довелось поработать на многих планетах, изучая различные формы внеземной жизни. Сейчас она возглавляет научную работу в Алтайском заповеднике и время от времени принимает участие в различных симпозиумах. Как-то так само собой повелось, что место их семейного сбора всегда было именно в ее доме, расположенном на живописном берегу Телецкого озера. По давно заведенной традиции семейные застолья проходили на большой летней веранде, с которой открывался прекрасный вид на горный хребет Корбу.

Мама работала врачом-акушером в Восточно-Азиатском центре репродукции человека. Космические перелеты не любила. Можно было по пальцам пересчитать случаи, когда отцу удавалось уговорить ее провести совместный отпуск за пределами Земли. Работа отца была связана с частыми, а порой и длительными командировками на населенные планеты. Служба в Галактическом департаменте по чрезвычайным ситуациям отнимала много времени, поэтому в их семье так ценились те редкие моменты, когда наконец удавалось собраться всем вместе.

Не забыть бы навестить учителя. Сергей Павлович ему будет рад. Ник почувствовал, что краснеет: он единственный из их выпуска, кто забыл поздравить учителя с юбилеем. Помнил ведь, даже сочинил стих. Записал его на мнемо-кристалл с планеты Призрак, который, прямо скажем, с большим трудом выпросил у ребят из группы георазведки. Положил рядом с письмами для отправки по нуль-почте и забыл, ну просто как отрезало. Хорошо, что бывшие однокашники догадались устроить общую нуль-связь на следующий день и он все-таки продекламировал стихи. Там была одна строчка: «Мы любим, ценим, помним и никогда не забываем», на что Ленка Синицына, естественно, не удержалась и ввернула в своей вечно ехидной манере, что для человека, работающего военным курьером, опоздать с поздравлениями и на месяц считается в порядке вещей.

Потом дружной компанией рвануть на Эксельсиор. Эта планета была открыта столетие назад и до сих пор являлась излюбленным местом отдыха туристов со всего обжитого космоса.

По классификации ESI¹ она входила в редкую подгруппу М и была полностью пригодной для жизни. А вот по шкале Гаусса² не дотягивала и до единицы.

Несмотря на то что Эксельсиор была не намного моложе Земли, а по космическим меркам их можно было и вовсе считать погодками, полтора миллиарда лет назад эволюция биологической жизни планеты остановилась на простейших микроорганизмах. Одноклеточные образовывали гигантские колонии водорослей и дрейфовали по огромному океану, занимающему свыше девяноста процентов поверхности. Первые исследователи сразу окрестили океан Саргассовым. Видимо, по аналогии с земным Саргассовым морем.

Экзобиологов удивлял тот факт, что колонии простейших старались держаться подальше от суши и никогда не подходили к прибрежной зоне. Почему жизнь на Эксельсиор не развилась дальше и не вышла на поверхность, как это случилось на Земле? Этот вопрос уже сто с лишним лет ставит в тупик лучших земных специалистов.

Чтобы не нарушить уникальную экосистему Эксельсиора, но в то же время немного озеленить побережье, вдоль океана широкой полосой насадили псевдорастения, напоминающие тропические пальмы и мангровые заросли. После дождя деревья источали приятный аромат свежей зелени, цвели два раза в год и даже плодоносили. При этом в них отсутствовала и доля органики.

Мягкий ровный климат, чистейший океан и полное отсутствие какой-либо враждебной человеку формы жизни привлекали на планету толпы туристов, предпочитающих спокойный и размеренный отдых. Однако все изменилось буквально несколько лет назад, как только на Эксельсиоре провели первый всепланетный фестиваль голографического шоу.

В прошлый раз Нику с друзьями попасть на него не удалось. Количество билетов было ограничено, а желающие слетелись со всей галактики. Полю, его другу детства, повезло больше. Ему удалось, что называется, краем глаза понаблюдать часть представлений. Правда, с самой дальней орбиты. Он в то время проходил стажировку на пассажирском лайнере «Орион», который как раз был одним из многочисленных кораблей, доставляющих туристов на Эксельсиор. По его рассказам, это было поистине феерическое действо и никакое, даже самое продвинутое голо-ТВ не могло передать и сотой доли царящей там атмосферы. «Кто этого не видел, тот не жил!» – так обычно с пафосом любил он заканчивать очередной свой рассказ.

По правде сказать, слушать его было интересно, несмотря на то что события каждый раз обрастали все новыми подробностями и деталями и Ник уже не мог отличить, где правда, а где игра воспаленного воображения товарища. В общем, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

В этом году шоу обещало быть еще красочней и, по слухам, более экстремальным. Одно имя Рене Буатье, главного режиссера и постановщика, говорило само за себя. Что именно покажет он в этот раз, держалось в строжайшей тайне. А слухи, словно случайно просачивающиеся время от времени в нуль-сеть, только подогревали всеобщий ажиотаж.

Стоило Полю нарыть в дебрях нуль-сети очередную сенсационную подробность предстоящего мероприятия, он в присущей ему юморной манере спешил поделиться ей с друзьями. Как к примеру в последнем сообщении: «По данным, полученным из достоверных источников, пожелавших тем не менее остаться неизвестными, команда специалистов по спецэффектам планирует устроить кометную бомбардировку Эксельсиора с последующим падением на

¹ ESI – индекс подобия Земле (показывает схожесть планеты с Землей и основан на сравнении физических параметров планеты с аналогичными параметрами Земли. ESI учитывает размер, массу, плотность, расстояние от звезды и температуру на планете и т. д.)

² РНІ – индекс обитаемости планеты (является показателем вероятности существования жизни на планете и вычисляется с помощью дополнительных факторов: тип поверхности планеты (скалистая или ледяная), наличие атмосферы и магнитного поля, количество энергии, доступной для потенциальных организмов (свет солнца или приливное трение, разогревающее недра), наличие органических соединений и какого-либо жидкого растворителя и т. д.)

нее довольно крупного астероида. Естественно, со всеми вытекающими последствиями. Приводится даже название будущего шоу – «Гибнущая планета».

Понятное дело, что пропустить такое было просто непозволительно. Тем более что Сергей Павлович каким-то чудом сумел достать 30 билетов – ровно по числу своих выпускников. И не на какую-то там дальнюю орбиту, а в самый что ни на есть эпицентр ожидаемых событий.

Отель Gorbovsky, а именно там Сергей Павлович забронировал для своих воспитанников пятнадцать роскошных номеров, располагался на Большом хребте, в самой его верхней точке, на высоте пяти тысяч двухсот метров. Большой хребет был единственным горным массивом на планете, являясь естественным разделом между океаном планеты и ее пустыней.

Как можно было догадаться, отель Gorbovsky, расположенный на высоте более пяти километров, являлся лучшей площадкой для созерцания спецэффектов планетарного масштаба. «Если нам и будет суждено "погибнуть", то во всяком случае мы не пропустим самого интересного!» – подытожил общее мнение Поль.

Достать такое количество билетов, да еще и в один из лучших отелей, было просто чудом. Может, это объяснялось тем, что начальником службы безопасности на Эксельсиоре был воспитанник Сергея Павловича Константин Климов? Но, как известно, в каждом чуде должна присутствовать доля загадочности, поэтому никто не стал чрезмерно любопытствовать, а учитель на все расспросы только скромно разводил руками.

Ну и, конечно, положив руку на сердце, была еще и вторая причина, по которой его так тянуло в эту поездку: Ася по прозвищу Нефертити – отличница и, что, пожалуй, самое главное, первая красавица их выпуска. Она, как казалось Нику, весьма благосклонно принимала от него ненавязчивые знаки внимания, но в романтической обстановке, возможно, его могло ждать и нечто большее.

Резкий зум видеофона вновь вернул его в реальность. «Иду-иду», – пробормотал Ник, поправляя форму. Еще раз критически окинув свое отражение в зеркале, он быстрым шагом вышел из каюты.

Вот она, военная романтика! Хотя, конечно, курьерскую службу, куда он был приписан, с большой натяжкой можно было назвать военной. Да и сам военный флот, за ненадобностью, давно уже стал атавизмом.

Врагов – при этой мысли Ник позволил себе улыбнуться – у Земного Содружества не было. Колониями, разбросанными по всей обитаемой части Вселенной, управлял Мировой Совет, опираясь на местные органы самоуправления. Что касается других встреченных землянами цивилизаций, то на данный момент были известны всего четыре гуманоидных расы. Они значительно отставали в своем развитии от Содружества. Только альдебаранцы, названные так землянами из-за близости их звездной системы к Альдебарану в созвездии Тельца, начинали делать первые шаги по выходу за пределы своей атмосферы.

С открытыми цивилизациями Земля давно установила официальные дипломатические отношения. На их планетах трудились многие земные специалисты, в том числе и отец Ника Роман Соболев. Что же касалось не гуманоидных цивилизаций, то они жили в своем собственном замкнутом мире. Расширять свое влияние за пределы материнских планет никакого желания не выказывали. Что до контакта, то здесь было много открытых вопросов. Насколько знал Ник, восприятие реальности не гуманоидных рас разительно отличалось от восприятия среднестатистического землянина. Да и по поводу их разумности до сих пор то и дело вспыхивали острые дебаты в научном мире. Поэтому так называемым контактом занимался очень узкий круг специалистов.

В Мировом Совете время от времени поднимался вопрос о полной ликвидации Военного Космического Флота и Военной космической академии. Но окончательного решения по этому пункту так принять и не удавалось. Возможно, были еще сильны традиции, да и, уж если честно говорить, из ВКА выходили лучшие специалисты в области звездоплавания. Не говоря уж о

том, что и сам Галактический департамент по чрезвычайным ситуациям больше, чем на две трети, состоял из выпускников ВКА.

Лет пятьдесят назад решено было реформировать Военный Космический Флот в обособленное подразделение ГДЧС, чем он, собственно, и являлся до сего времени. На всех крупных космических базах, в том числе и на той, где Ник проходил сейчас свою первую стажировку, располагались подразделения быстрого реагирования. Если в их секторе происходили какие-нибудь непредвиденные ситуации, пилоты бок о бок трудились с ребятами из ГДЧС.

Пневмолифт бережно подхватил его и через секунду аккуратно выпихнул в просторную приемную командной рубки. Там уже были двое – Эмиль, долговязый блондин, в явно коротковатой для него форме, и низкорослый Пауло. Они, как всегда, о чем-то оживленно спорили. Сейчас, похоже, каждый из них пытался доказать, чем его курьерский челнок лучше челнока, на который был приписан оппонент. Эта парочка никогда не расставалась и всегда находилась в словесной перепалке. Что, судя по всему, их нисколько не утомляло, в отличие от окружающих. – Твой «Винт», стар-р-ричок, это уже прошлый век, – чуть заикаясь, втолковывал долговязый парень своему визави. – Пятьдесят парсек³ за один нуль-прыжок да это же тьфу! Так, пешая прогулка. Другое дело моя «Стрела» – сто парсек в один присест и не больше суток подзарядки!

– Ну, это смотря какая там флуктуация, можно и на неделю застрять, – глядя снизу вверх, воинственно парировал коротышка, – а «Винт» и в пылевой туманности энергию насосет не хуже твоего пылесоса.

– Эк как ты хватанул, скажи еще, что и от черной дыры дозаправится!

Ник улыбнулся: чем-то эта парочка напоминала ему любимых в детстве мультяшных героев.

– Шеф у себя? – наконец решился он прервать двух закадычных друзей. – Мне назначено на 7:15.

– Да, – с видимой неохотой прервав свой спор, ответил Эмиль. – Только у него там какая-то важная шишка.

– И мы сами его уже с шести часов ожидаем, – подтвердил Пауло и без перехода продолжил, обращаясь уже к долговязому: – А ты слышал, какой челнок нам на запасную верфь вчера пригнали?

– И какой же? – загоготал Эмиль, смешно закидывая голову. – Опять твою рухлядь из капремонта? Удивляюсь терпению Овсянникова – у тебя что не вылет, так катастрофа!

– «Валькирию»! – пафосно произнес коротышка.

«Ого!» – мысленно присвистнул Ник. «Валькирия» была сверхсовременным легким челноком, по дальности прыжков почти не уступающим мощным звездолетам класса «А», предназначенным для исследования Глубокого Космоса. Насколько он знал, «Валькирии» были выпущены небольшой партией то ли в пять, то ли в семь штук, имели радиус прыжка до 300 парсек. В общем-то на этом месте его познания и заканчивались. Как, интересно, Шеф сумел его отхватить?

– Не может быть! – выпучил глаза Эмиль и стал похож на выброшенную на берег глубоководную рыбину. – Ты ничего не пер-р-епутал?

– Сам ты пер-р-епутал, – коротышка в деланном негодовании поджал губы.

– Это ты волновой эмиттер от силового отличить не способен!

– Интересно, кто же будет тем счастливицом, кому она достанется? – не обращая никакого внимания на реплику товарища, мечтательно протянул Эмиль.

– Да уж точно не тебе, – убежденно хмыкнул Пауло и почему-то подмигнул Нику.

³ Парсек – единица измерения расстояний в астрономии, равная 206265 астрономическим единицам, что составляет 30,857х10 в 12 степени км. П. равен 3,26 светового года.

– А это еще почему? У меня почти пять тысяч часов самостоятельных полетов, в отличие от некоторых...

– Да ты в нее просто не влезешь, стар-р-ричок, – передразнил Эмиля коротышка и, довольный своей шуткой, расхохотался.

В этот момент дверь с легким шипением отошла в сторону, и с той стороны послышались приглушенные голоса. Ник узнал знакомый баритон Шефа:

– Это где ж я вам, милостивый государь, тут столько профессионалов найду? Стоит только стажеру стать мало-мальски хорошим пилотом, как сразу его у нас переманивают, в том числе и ваша небезызвестная организация.

– Эх, Глеб, профессионалов во все времена не хватает, а у тебя, смотришь, вчерашний стажер сейчас уже пилот экстра-класса. И как тебе их так быстро растить удается?

– Ладно, Рудольф, умеешь ты подсластить пилюлю, – миролюбиво проворчал Шеф, – по поводу твоей просьбы вопрос уже можешь считать решенным. Только никак я в толк не возьму, почему именно на него пал выбор? Если не секрет, конечно...

– А если я тебе скажу, что это не мое решение? – после непродолжительной паузы произнес незнакомый голос.

– Даже так? – Шеф был явно удивлен. – Тогда вопросов больше не имею.

– Вот и отлично, и еще раз прошу тебя, отнесись к этому со всей серьезностью, чувствую, в этом деле важны будут любые мелочи. Провожать меня не надо, связь через каждые двадцать четыре часа.

В дверях показалась высокая фигура. Мужчина, окинув курсантов цепким взглядом, скользнул к пневмолифту. У Ника вдруг зачесалось между лопатками. Он попытался присмотреться к незнакомцу, но тот, сделав неуловимое движение, оказался у него за спиной. Когда Ник повернул голову, то увидел лишь закрывающиеся створки лифта. «Ого, лихо!» – Непроизвольно вырвалось у него.

– Спец! – с выдохом подтвердил его догадку Пауло.

– Ник, зайдите, не стойте истуканом! – Шеф, Глеб Иванович Шульгин, он же капитан космической базы «Тау Кита-1», названной так по ее стационарной дислокации в созвездии Тау Кита, приглашающе махнул ему рукой.

Кабинет Шульгина был просторным. По центру находился большой овальный матовый стол из неотражающего материала. Всю дальнюю стену занимал четырехмерный голо-экран. На нем переливались мириады огоньков, пробегали, вспыхивали и гасли пунктирные линии различных цветов и оттенков. Так сказать, Вселенная в миниатюре. Естественно, мало-мальски изученная ее часть. Серая дымка, окаймлявшая всю эту проекцию, как раз и означала неизученный Глубокий Космос.

– Сесть не предлагаю – цейтнот! – Шеф зачем-то постучал по левому запястью, хотя часы он отродясь не носил. – Задача – доставить груз на исследовательскую базу в сектор F-14056. Подробные инструкции и точные координаты получишь, как всегда, у Петра. Вопросы есть?

Вопрос-то у него был, и причем только один. Маленький такой, просто малюсенький, о котором и говорить-то, только людей серьезных смешить: «А помнит ли уважаемый Глеб Иванович, что буквально на днях, а если уж быть совсем точным, позавчера, он подписывал мне увольнительную?»

Ник уже совсем собрался с духом, чтобы напомнить начальнику эту маленькую деталь, но что-то его остановило. Шеф выглядел как-то иначе, не так, как всегда, а точнее, таким Ник его никогда не видел: жестким, собранным и встревоженным. «С другой стороны, у меня в запасе есть две недели, можно попробовать уложиться», – для себя решил Ник, а Шефу ответил:

– Никак нет! Разрешите идти?

– Иди, – Шеф устало махнул рукой. – Нет, постой! Ты же проходил обучение на «Берсеркере»?

– Сто часов летного времени.

– Вот и хорошо. «Валькирия» в управлении ничем не отличается, только двигатель принципиально другой. Все, давай, Петр тебя уже ждался!

Наверное, у Ника был слегка ошалевший вид, потому что ни Эмиль, ни Пауло, нетерпеливо топтавшиеся в приемной, не задали ему ни одного вопроса, а только молча проводили взглядом.

«Вот дела творятся! Честное слово, не понимаю! Хорошо, что не ляпнул про отпуск, а то бы в два счета отстранили от задания. А тут так подфартило, что голова кругом. Кому рассказать, не поверят. Летал на "Валькирии"! Нет, не так, выполнял особо важное задание! Ну ничего себе, тут не то что стажеры курьерской службы, тут уж и опытные звездолетчики с уважением и неприкрытым интересом начнут расспрашивать о тех или иных особенностях челнока. По возвращении обязательно ребятам голо-отчет скину! Особенно Полю, пусть обзавидуется. Хотя это, наверно, и запрещено. Тут эта секретность на каждом шагу, уже год как на службе, а все никак не могу привыкнуть. От кого секреты храним? Детские игры в альдебаранских шпионов напоминает. Но надо будет уточнить все же. И самое главное, – Ник чуть не пустился в пляс, – на таком корабле я и за пять дней туда-сюда обернусь. Как там Эмиль сказал? Это тебе не пешком ходить!»

– О, черт возьми, совсем ошалел от радости, надо же Умку с собой прихватить, она заодно весь полет и зафиксирует. А то знаю я этих злословов-остроумов, вроде Ленки Синицыной. «Никушенька, а ты случайно не перепутал "Валькирию" с маминым флайером? Да-да-да, с тем самым, который ты разбил об трехсотлетний дуб, гордость нашего директора школы. При этом наврав всем, что прошел специальные летные курсы по вождению с закрытыми глазами. А может, это был и вовсе тот самый пятидесяти тонный робот-погрузчик, на котором ты умудрился перевернуться практически на ровной дороге? Как сказал потом спасатель из группы чрезвычайного реагирования, до тебя этот фокус еще никому не удавался». Ха-ха-ха! Когда поток остроумия достигнет своего апогея, в этот момент я достаю Умку и вуаля! Главное, не забыть заснять их лица в этот момент.

Пребывая в отличном расположении духа, Ник защелкнул на запястье Умку. Чуть помешкав, прикрыл ее рукавом летного комбинезона. «Чего доброго Овсянников заметит, опять начнет по Уставу гонять, не остановишь». Придирчиво осмотрел себя в зеркале. Комбинезон сидел как влитой. Оставшись собою довольным, Ник улыбнулся отражению. «Ну что, стар-ричок? – подмигнул он. – Последнее задание и домой?»

Не дожидаясь, пока дверь каюты с легким шипением за ним закроется, Ник чуть ли не вприпрыжку направился к лифтовой шахте. Всю дорогу до нижней палубы базы ему улыбались идущие навстречу люди и провождали его любопытными взглядами. «Я бы вам сейчас тройное сальто с места изобразил, но уже статус, простите, не позволяет», – ехидно подумал он и игриво подмигнул слишком уж серьезной девушке из отдела информатики.

Более нудного человека, чем Петр Овсянников, Ник в своей жизни не встречал. Ухудшало положение то, что именно он был руководителем курьерской службы и главным начальником стажера Ника Соболева.

Петру на вид было лет шестьдесят, не больше. Он обладал мощной комплекцией, что, правда, ничуть не сказывалось на скорости его реакции. В этом Ник неоднократно убеждался в спаррингах по суб-бою. В общем, Петр Овсянников был, что называется, мужчина в расцвете сил. Да и его послужной список впечатлял. И если бы не это непроходимое занудство, то служить под его началом было бы весьма престижно. Петр в молодости работал с самим Альберто Старджони, участвовал в знаменитой Третьей экспедиции к Черному пульсару. Тогда их экипажу впервые за все исследование космоса удалось осуществить захват изначальной кварковой материи, что экспериментально подтвердило теорию синтеза протонов из кварков древней Вселенной.

До перевода в курьерскую службу на базу «Тау Кита-1» Петр проходил службу в группе быстрого реагирования и снискал славу бесстрашного и опытного пилота. Рассказывали, как он с риском для жизни совершил посадку на ближайший спутник загадочной планеты Призрак и успел вывезти с гибнущей исследовательской базы восьмерых ученых. Потом вернулся обратно, чтобы забрать и ценнейшие пробы грунта. Героический по сути человек. Но занудой был каких еще поискать надо!

Каждый раз перед очередным вылетом одно и то же!

– Стажер Ник Соболев, назовите параграф 174, пункт 8 инструкции по технике безопасности межзвездных полетов на кораблях типа «А»!

«Какие такие, черт побери, полеты? Да меня на звездолет типа "А" и на пушечный выстрел не подпустят. Знает же, что мой максимальный допуск на челноки типа "Д". И то второй месяц только пошел, как к самостоятельному пилотированию допустили».

– Какие ваши действия, курсант, в случае попадания метеорита в отсек жизнеобеспечения?

«Таких случаев, после повсеместного внедрения анти метеоритной локационной системы "ОКО", уже лет двести, как не случалось».

И так далее и тому подобное...

В общем, изгалялся так каждый раз перед очередным вылетом, а их уже за сотню, поди, перевалило. Ник поначалу думал, что Петр одного его так полюбил. А нет, всем доставалось.

– Настоящий космолетчик должен всегда быть готовым к непредвиденным, нештатным ситуациям! – любил повторять Овсянников. А потом, с тяжелым вздохом, чуть понизив голос, добавлял: – А они, стажеры, рано или поздно имеют такое свойство случаться. И скажу я вам, как раз в самый неподходящий момент.

После этого Нику почему-то становилось немного жалко Петра. Ему казалось, что именно с Овсянниковым как раз эти неприятности и происходят. И, по меньшей мере, пару раз на дню.

В этот раз обошлось без нотаций. Петр был как всегда угрюм. Он кивком ответил на приветствие и, не оборачиваясь, направился к ангару. Ник также молча последовал за ним, высматривая глазами легендарный челнок. Когда же Овсянников наконец остановился перед одной из многочисленных летных машин, ничем не отличавшихся от других, Ник едва сумел скрыть свое разочарование. Шеф был прав, «Валькирия» ничем не отличалась от стоявших рядами вдоль пусковых шахт «Берсеркеров». Нику нравились стремительные и даже хищные формы этих челноков, но от «Валькирии» он подспудно ожидал чего-то большего.

– Твоя задача в этот раз предельно проста – доставить груз. Получатель – лично руководитель исследовательской базы Кротов. Проверка на идентификаторе обязательна. – Петр нежно погладил матовые амортизаторы «Валькирии». Зачем-то слегка похлопав ладонью по шероховатому корпусу, длинно вздохнул и закончил: – И вернуться обратно целым и невредимым.

Нику сразу стало понятно, кого именно он сейчас имел в виду.

– Задача ясна?

– Так точно! Доставить груз. Получатель Кротов. Обязательная проверка на идентификаторе.

– Вот и хорошо, теперь давай-ка сюда свои пальчики, – Овсянников уже доставал из нагрудного кармана портативный идентификатор.

Ник послушно протянул правую руку и положил ладонь в пятипалое углубление. Прибор чуть слышно загудел, и через секунду зажглась зеленая лампочка. Овсянников внимательно взгляделся в показатели, потом еще раз с каким-то сомнением посмотрел на Ника и только потом обронил: «Все в порядке» – в его голосе явственно просквозило разочарование.

– А что вы там, позвольте полюбопытствовать, ожидали увидеть? – не смог удержаться от вопроса Ник.

Петр пропустил его реплику мимо ушей и продолжил как ни в чем не бывало:

– Координаты точек выхода уже загружены в центральный компьютер борта 103. Тебе, по сути, ничего не надо будет делать, единственно – идентифицировать получателя, передать груз и вернуться на базу.

Затем Овсянников, по своему обыкновению, сделал паузу, понизил голос и добавил:

– И никакой самодеятельности, – после этого, естественно, последовал фирменный овсянниковский тяжелый вздох, но на этот раз Ник испытал одно лишь раздражение.

«Точно все с ума тут походили с этой секретностью». Около двух месяцев назад на базе появились идентификаторы – приборы, как предполагал Ник, определяющие личность того или иного человека, а может, и еще что-нибудь, и теперь каждый по два-три раза в день подвергался такой вот проверке. И главное, никто из руководства толком ничего не объяснил, ссылаясь на инструкцию Центра. Кто-то возмущался по этому поводу, кто-то иронизировал, кто-то принял это как должное: надо значит надо – Центру виднее...

Ник привычно отсалютовал и встал на подъемник.

– Черт с ними со всеми и их секретностью! Через пару недель буду уже на Земле, в нормальном мире среди нормальных людей, без параноидальной шпионской мании.

Оказавшись в рубке управления, он совсем уже успокоился. Когда «Валькирия» плавно вышла из шлюзовой шахты в открытый космос и медленно начала удаляться от базы, и вовсе выбросил этот разговор из головы.

Каждый раз во время от стыковки его охватывал внутренний трепет, вперемежку с необъяснимым детским страхом. Вот и сейчас он специально включил боковой обзор и, откинувшись в кресле пилота, наблюдал, как «Валькирия» бесшумно отшвартовывается от материнской базы. Сначала она была везде, заполняя все экраны, как бы нависая над ним всей громадой, а потом по мере удаления принимала свое гантелевидное очертание, вокруг которого, словно рой пчел, сновали туда-сюда огоньки кораблей – одни побольше, другие поменьше, создавая ложное впечатление некоего хаотичного движения.

«Валькирия» четко следовала по направляющему ее с базы лучу с заданным ускорением. У Ника было примерно около трех часов свободного времени, пока челнок не удалится на заданное расстояние, когда ему придется взять управление на себя. Хотя это, наверно, громко сказано, «взять управление на себя». По сути, программа не давала свободного выбора.

«То ли дело раньше, – подумалось сейчас Нику, – когда существовала ГСП⁴. Прошел трехмесячные курсы летной и навигационной подготовки, бери корабль класса "Д" и лети куда глаза глядят. На свой страх и риск, разумеется. Вот раньше были времена! Но почему-то программа была закрыта с формулировками "нецелесообразность, большие ресурсозатраты и неоправданные человеческие смерти".

Гибло, конечно, много народу, но открытия стоили того – за пятьдесят лет границы Глубокого Космоса были отодвинуты на тысячи парсек. До сих пор специалисты продолжают изучать сделанные тогда находки и открытия. А я сейчас сижу турист туристом в рубке ультрасовременного корабля, последнего достижения человеческой мысли, и в видеоэкраны глазею как дурак. И ничегошеньки от меня не зависит – координаты заданы, бортовой автопилот ведет корабль по заложенной айтишниками программе. Да, кстати, проверить-то курс не помешало бы, это-то я по инструкции сделать обязан».

– Штурман, выведи-ка мне на центральный экран наш расчетный курс, – распорядился он компьютеру корабля.

На экране тут же побежали столбцы малопонятных символов, Ник поправился:

⁴ ГСП – Группа Свободного Поиска

– Графически. Окей, спасибо, так-то лучше... А это что такое? Что же это такое? Черт тебя возьми!

На экране высветился маршрут, схематически изображенный изломанной линией, соединенной между собой четырьмя желтыми пульсирующими точками. От последней шла, забираясь значительно левее и вверх, прямая, раза в два превышающая расстояние между первой и четвертой точками. Она заканчивалась зеленым крестиком, обозначающим конечный пункт назначения. Но не причудливая схема вызвала недоумение Ника, а то, что прямая линия началась у самой границы серой области, а заканчивалась где-то далеко в ее глубине.

– Вот это да! Ай да Петр, ай да сукин сын! Да и Шеф хорош, хотя как он сказал? «Подробные инструкции и координаты получишь у Петра. Вопросы есть?»

В такой Глубокий Космос Нику прыгать не приходилось. Да что там не приходилось, только один раз они с Колькой Сафроновым доставили груз в дальний сектор созвездия Персея, который, честно говоря, с большой натяжкой можно было отнести к пограничным секторам. Там больше десяти лет назад уже были налажены регулярные сообщения по нуль-тоннелям.

В его представлении для изучения Глубокого Космоса были предназначены хорошо подготовленные исследовательские звездолеты с обученными специалистами на борту. Ну, или сорвиголовы из ГСП.

– А чего это ты так разволновался? – спросил он у себя. – Пять минут назад восторгался ребятами, прошедшими ГСП, и клеймил бюрократов из Мирового Совета, запретивших практику таких полетов, а теперь испугался, что ли, прыгнуть на 500 парсек в глубину? Тем более что там уже висит исследовательская база. Специалисты с Земли что-то там нашли и исследуют. Это же, в конце концов, не прыжок в никуда, где случись чего, всю жизнь спасателей прождать можно. А точнее, пока система жизнедеятельности корабля свой ресурс не выработает.

Ответ он знал, но не хотел его для себя формулировать.

– Штурман, сколько понадобится времени на осуществление заданного полета и возвращение на Базу?

– От 30 до 45 дней, в зависимости от уровня флуктуации в точках выхода, – доложил механический голос, разрушив надежду, еще теплившуюся в глубине души Ника.

– Дай мне расстояние до расчетной точки в парсеках до третьего знака, пожалуйста.

– 1 067, 343 парсек.

– Это же максимум три нуль-перехода для этого типа кораблей, насколько мне известно?

– Координаты прыжков рассчитаны так, чтобы обеспечить наименьшие энергозатраты и безопасность переходов, – невозмутимо доложил механический голос.

– Пересчитай возможные переходы в два конца, чтобы успеть вернуться максимум через 10 дней по локальному времени.

По экрану прошла рябь, и появилась немного более прямая траектория – две желтые точки вместо четырех и далее такая же пунктирная линия, завершаемая зеленым крестиком.

– Это расчет с 95,555 % вероятности возвращения до заданного вами времени, – доложил робот.

– Вот и чудненько, – не скрывая своего облегчения, Ник откинулся в кресло, – давай перепрограммируй и вперед. До старта меньше часа осталось.

– Это вне моей компетенции. Координаты заложены Главным Информаторием базы.

– Чья виза на ней?

У Ника еще теплилась надежда, что, возможно, координаты задавали айтишники из отдела Стива Паттерсона. Его он знал еще до поступления на службу. Тогда был вариант договориться.

– Завизировано личным кодом начальника курьерской службы.

– Ну что ты будешь делать! Ну что за идиотизм – вечно усложнять простые вещи. Ведь достаточно одного, максимум двух прыжков до границы. Там день для полной подзарядки.

Вон, по графику отчетливо видно. И безо всяких дополнительных расчетов ясно, что флуктуация там зашкаливает и задержки не будет. А там единственный прыжок, и мы на месте. Ну Петр! Ну Овсянников! Старый перестраховщик! – он не заметил, как вскочил с кресла: «Спокойно, Ник, сосредоточься, надо просто немного подумать. Кто тебе запрещает воспользоваться Умкой?»

– Штурман, напомни мне код полета.

– «Зеленый» код.

– Так, так, так... – забарабанил Ник по приборной панели пальцами: он всегда так делал, когда немного нервничал.

«Зеленый» код присваивался обычным, дежурным полетам. Был бы код «желтым» или тем более «красным», тут не посвоевольничаешь. (По правде сказать, ему еще ни разу не доводилось летать под этими кодами важности.) А здесь вопрос, можно сказать, решен.

УМКА – Универсальный Многофункциональный Квантовый Андроид. Так для простоты называли первые модели. Когда Нику исполнилось десять, отец сделал ему поистине царский подарок. Это был компьютер нового поколения. Их серийный выпуск начался лишь спустя пару лет. Умка была и в самом деле универсальна. Конструкторы сделали ее полностью совместимой со всеми существующими устройствами. Во всяком случае, с какими Нику до сего времени приходилось сталкиваться. Она могла работать как автономно, так и через нуль-сеть, подключаясь к Большому Всемирному Информаторию и скачивая из него недостающие для выполнения той или иной задачи программы и данные.

Умка спокойно заменяла летные компьютеры как флайеров типа «земля – земля», так и легких челноков класса «Д». Конечно, после закачки в нее необходимых навигационных программ. Ник в свое время позаботился об этом, загрузив в нее все сведения по астрофизике, космологии, космонавигации всех существовавших с незапамятных времен типов космических аппаратов и поставив в режим он-лайн обновления данных.

Что самое главное, Умка обладала псевдоинтеллектom. За десять лет Ник привязался к ней, как к другу. И относился скорее не как к машине, наделенной колоссальным объемом информации, а как, пожалуй, к человеку. Вряд ли он в этом признался бы даже себе, но это было так. Если другие люди могли с легкостью заменить устаревшую модель компьютера на более новую, то Ник свою Умку просто модифицировал. Что, впрочем, не составляло особого труда. Или взять хотя бы имя – Умка. Вон тот же Поль. Как он только ни называл свои универсальные ПК. Была у него и Снежная Королева, и Дюймовочка. Когда повзрослел – Зайка, Киска и так далее, все и не упомнишь. Сейчас вроде Тигренок. Или как-то так. А Ник как назвал ее Умкой, так и зовет до сих пор.

Использование универсальных ПК в курьерских полетах не приветствовалось руководством, но и прямо не запрещалось. Кроме разве «желтого» кода важности, ну и, естественно, «красного», который приравнивался к боевому. Но это и понятно.

Ник решительно встал из командирского кресла и открыл блок управления корабля. Как и следовало ожидать, центральный компьютер был запечатан личной пломбой Овсянникова. Впрочем, сорвать ее проблем не представляло, что Никс некоторым колебанием и проделал.

– Ничего, – утешил он свою совесть, – если я выполню свою миссию в два раза быстрее, то, по идее, должен еще и благодарность заработать.

«Что главное в курьерской службе? – всплыло в его памяти очередное изречение Петра. – Это четко и в кратчайшие сроки доставить адресату корреспонденцию, можно раньше, а позже... – обычно в этом месте Овсянников делал длинную паузу, обводил всех присутствующих суровым взглядом и заканчивал: – "Позже" – такого понятия в нашей службе НЕ существует! Понятно, стажеры?»

Отщелкнув клеммы, Ник активировал Умку и вставил ее на место жесткого диска бортового компьютера. По Умке прошла легкая вибрация. Было видно, как она немного видоизме-

няется, подстраиваясь под размеры и разъемы клемм корабельного компьютера. Через секунду из динамика послышался знакомый женский голос:

– Ну что, мой друг любезный, неужели успел по мне соскучиться? Или опять что-то случилось? Кстати, в твоём почтовом ящике 27 непрочитанных сообщений, 15 из них от твоей матушки, одно от отца и 11 от твоего дружочка Поля. Его сообщения смело можно удалить, не читая. Как всегда, ни одного бита ценной информации. А вот матушке давно пора бы и ответить. Ну а что касается письма от отца...

– Умка, подожди, пожалуйста! Сейчас есть дела и поважнее...

– Голубчик, от твоей Аси сообщений нет, я же помню, что ты меня просил информировать об этом в первую очередь, – в голосе Умки явно сквозил сарказм!

– У меня задание, – прервал ее Ник, – протестируй корабль.

– Я этим сейчас и занимаюсь, неужели ты и вправду подумал, что мне интересно вести с тобой бессмысленные разговоры? – с легкой обидой в голосе ответила она. – С твоей мамой я уже переговорила. 20-го числа вся семья тебя с нетерпением ждет. Хотят получить подтверждение. Письмо от отца закодировано лично тебе, советую прочитать.

– Да в том-то и дело, что со сроками неувязка выходит. Отпуск уже был подписан, а тут, как назло, срочное задание. А из-за некоторого «хомо не сапиенса» все наши планы летят в черную дыру!

– Я уже прослушала в записи ваш разговор с бортовым компьютером и могу предположить, что тебе от меня нужно.

– Я сам прикинул, что, сократив два перехода, можно спокойно уложиться ко времени. Я просто не вижу смысла прыгать зигзагами четыре раза и на каждом выходе под завязку пополнять энергетические накопители. Такую задачу и на «Берсеркере» за 15 дней вполне можно успеть выполнить. Непонятно. Что скажешь?

– Вопрос некорректен.

– Извини, это просто мысли вслух. – Ник иногда забывал, что общается не с человеком, а с машиной, хоть и наделенной псевдоинтеллектом. Хотя порой это помогало ему думать логически и ставить конкретные вопросы.

– Ты согласна со вторым расчетом бортового компьютера?

– Да.

– Пилотировать «Валькирией» сможешь?

– В рамках заданной программы.

– Первой или второй?

– Первой.

– А почему не второй?

– Потому что вторая не задана.

– Черт побери, Умка, я порой не пойму, ты что, шутить научилась?

– Вопрос некорректен.

– База вызывает борт 103. Как слышите? Прием.

Ник от неожиданности вздрогнул. Из-за ничего не значащей словесной перепалки с Умкой, а скорее от того что не мог решиться на несанкционированное изменение заданного маршрута, он совершенно отвлекся от реальности.

На главном экране появилась хорошо знакомая физиономия Мишки Бирмана из навигационной службы. Тот, будучи на дежурстве, всегда пытался выглядеть серьезным, но его усыпанное конопушками лицо и слегка оттопыренные уши выдавали в нем неугомонного остряка и балагура.

– База, слышу вас хорошо. Прием.

– Через 60 секунд отключаем луч, готовься брать управление на себя. Как понял? Прием.

– Понял, база, через 60 секунд взять управление на себя. Прием.

– Контрольное время прыжка после перехода на автономное управление три минуты. Как понял? Прием.

– Понял, три минуты. Прием.

– Даю двойной отсчет, спокойного Космоса!

– Спокойного Космоса!

Экран погас, сверху в правом углу побежали цифры обратного отсчета.

Ник всем телом потянулся в капитанском кресле. Ладно, как говорил кто-то из великих, «вперед, без страха и упрека!»

– Приказываю тебе принять на себя обязанности бортового компьютера борта 103, перепроверить расчеты второго варианта маршрута и приготовиться к прыжку.

– Стажер Ник, исполняющий обязанности командира борта 103, вы подтверждаете приказ о моем назначении бортовым компьютером борта 103?

– Подтверждаю, – Ник в этот момент даже не обратил внимание, если так можно выразиться, на шепетильность Умки. Обычно она сразу по подключении вступала в работу, моментально сканировала и переключала на себя все узлы управления челноком.

– Приказ принят, перехожу на автономное управление, сэр!

Априори считалось, что чувство юмора у машин отсутствует, но Умка его часто озадачивала. Вот и сейчас, как и всегда, когда они пилотировали летательные аппараты, она неизменно переходила на «сэр». Наверное, выкопала в старинных рассказах, что раньше так было принято обращаться к старшему по званию.

– Вот и хорошо, а то мы уже почти минуту в неуправляемом полете. Давай готовиться к прыжку, потом у нас будет время пообщаться.

– До прыжка 27 секунд, садитесь поудобнее, сэр! Включаю антигравитационную систему. И не забудь принять транквилизатор.

– Не умничай, проверь лучше обстановку в точке выхода.

Вот и сейчас, то ли заботится о нем, то ли издевается. У Ника была маленькая проблема – его укачивало во время перехода. Появлялись легкое головокружение и подташнивание. По статистике 0,001 % людей испытывали подобные симптомы, но Ник, в душе считая себя космическим волком, комплексовал из-за этого и как мог скрывал их от всех.

– В заданной точке выхода флуктуация в пределах нормы, начинаю обратный отсчет. Десять, девять, восемь...

Ник почувствовал знакомую вибрацию, предшествующую нуль-прыжку. Только на этот раз она была не внешней, а более глубокой и, казалось, пробирала до костей. «Принципиально другой тип двигателя», – промелькнули у него в голове слова Шефа.

– Четыре, три...

Внешние экраны помутнели. В глазах пошла рябь, сердце ухнуло куда-то вниз.

– Переход завершен, вышли в намеченный квадрат. Все системы стабильны. Сканирую ближайший сектор пространства, – голос Умки шел как бы издалека. Странно, но привычной тошноты не было и зрение быстрее обычного приходило в норму.

– Какая емкость энергонакопителей?

– 74 %.

– Сколько? – Ник не поверил собственным ушам. – Какая дальность прыжка?

– Расчетная, 390 парсек.

Вот это да! «Валькирия» явно таила в себе много сюрпризов.

– Я правильно понял, что мы сожгли меньше четверти энергии?

– Да, я перепроверила. Набор емкости накопителей идет почти в два раза быстрее, чем на челноках типа «Берсеркер».

– Так это мы так и без подзарядки можем допрыгать.

– По правилам совершать переходы с объемом энергоемкости ниже 25 % не рекомендуется во избежание...

– Знаю – знаю, оставь свои нотации новичкам-первогодкам, – перебил ее Ник.

– К нам идет нуль-сообщение, – сообщила Умка.

– С базы? С каким грифом? – «Уже всполошились, что ли?» – мелькнуло в голове.

– Пока не ясно, только начинает формироваться. Полностью спакетируется через 2–3 минуты.

– Быстро как-то нас вычислили. Как будто знали новые расчетные координаты.

– Бортовой компьютер передал. Он обязан дублировать на базу все свои действия, в том числе и расчет новых координат.

– Я об этом как-то не подумал, – признался Ник. – Проведи расчет новой точки выхода, в нескольких парсеках от второй заданной, у нас будет время на подзарядку. Что-то не хочется мне сейчас объясняться с Овсянниковым.

– В 4, 756 парсек от ранее намеченной есть удобная точка выхода. Флуктуация в пределах нормы.

– Начинай подготовку к прыжку, немедленно! – Ник привычно откинулся в кресло.

– Начинаю обратный отсчет, – голос Умки был сейчас лишен каких-либо эмоций. – Десять, девять, восемь, семь....

Второй переход ничем не отличался от первого. Такая же глубокая вибрация, рябь в глазах и короткое ощущение свободного падения.

– Переход завершен, – вытащил его в реальность бесстрастный голос Умки.

– Вышли в намеченный квадрат. Все системы стабильны. Сканирую ближайший сектор пространства.

– Энергоемкость? – с небольшой хрипотцой в голосе спросил Ник.

– 47 %. Прошли 410 парсек.

– Ну что, неплохая работа. Какой это сектор?

– F 20031 – пограничная зона, дальше Глубокий Космос.

– Да, так далеко я еще не забирался, – Ника разобрало любопытство. – Открыть внешний экран!

Рубка управления мгновенно сделалась прозрачной, и Ник, вскрикнув, вцепился руками в поручни кресла. Он словно оказался парящим в открытом пространстве. Иллюзия была настолько полной, что ему понадобилось какое-то время, чтобы убедить свои обманутые органы чувств в том, что челнок никуда не пропал, что сам он все еще находится в рубке управления. Он все-таки потянулся к пульту управления, также парящему в пустоте, и без всякой надобности пощелкал каким-то тумблером. Потом отстегнул ремни и осторожно слез с кресла. Пол рубки был абсолютно прозрачен, но под ногами привычно чувствовалась его упругость. Ник хотел для верности на нем попрыгать, но, поколебавшись, передумал.

– Верни пол, – чуть дрогнувшим голосом приказал Ник.

Пол так же мгновенно принял свой обычный вид – хорошо, что Умка правильно поняла его приказ.

В отличие от «Берсеркера», где обзор ограничивался передним экраном и верхним куполом, в «Валькирии» конструкторы решили этот вопрос, прямо сказать, кардинальнее.

Ник сел в кресло, переборол желание защелкнуть ремни и снова скомандовал:

– Полный обзор.

Вид открывался поистине фантастический. И абсолютно незнакомый. Если еще на базе он находил привычные созвездия, то из этого сектора космос выглядел совершенно иначе.

– Умка, доложи расчетное время до полного набора энергии.

– Если флуктуация в этом секторе существенно не изменится, то от 17 до 19 часов.

– Теперь, судя по возможностям «Валькирии», спешить нам некуда, остался один прыжок и мы у цели.

– Есть некоторая проблема, – тон Умки оставался таким же нейтральным.

– Что опять за проблема? – Ник насторожился.

– Я хотела сообщить это сразу по моей активации, но события начали развиваться очень быстро.

– Продолжай.

– Я не полностью управляю «Валькирией», точнее сказать, мне доступно не более четвертой части всех систем челнока.

– Я не совсем понял, как это на четверть? – Ник был ошарашен. – Как это возможно?

– Здесь много закодированных систем, и я не могу в них войти и, более того, я даже не могу понять их предназначение. Мои возможности ограничиваются управлением системами навигации и жизнеобеспечения, и то, по всей видимости, не в полном объеме.

– Этого ведь достаточно для выполнения задачи?

– Да.

– Но есть что-то еще?

– Координаты конечного пункта назначения, – Умка сделала паузу, как будто пыталась подобрать слова, что для нее было несвойственно, – приблизительны.

Это было что-то совсем невероятное.

– Как это приблизительны? Ты что, перегрелась? Ты же рассчитывала переходы согласно заданным координатам, да и бортовой компьютер также провел до тебя все расчеты.

– Все верно. Так было, пока работал маяк в конечной точке выхода. Я обратила внимание, что после первого и второго перехода координаты каждый раз незначительно, но менялись. Сейчас маяк молчит.

– Возможно, какой-то кратковременный сбой?

– Возможно.

Ник задумался. С самого начало шло все как-то неправильно. Он постарался вспомнить подробнее предшествующие события. Началось все с неожиданного вызова к капитану и получения внеочередного задания. Странно, конечно, что Шеф решил лично отдать ему приказ. Но так иногда бывало. Мало ли что? И ничего особенного, не считая, конечно, переноса на неопределенный срок долгожданного отпуска, в этом не было. Дальше мимолетная встреча в дверях с человеком из Центра. Скорее всего, из Центра. Тот явно был важной персоной, судя по тому как он держался с Шефом. Затем короткие инструкции и предписание на «Валькирию». Почему именно ему доверили новейший челнок? Ник прекрасно понимал, что на базе достаточно куда более опытных пилотов, чем он. Ну, возможно, все были заняты на других заданиях. Так, что еще? Значит, дают самый быстроходный челнок, чем подразумевается, что надо как можно быстрее доставить груз на исследовательскую базу. И, в то же время, в бортовой компьютер закладывают хаотичные координаты точек выхода, что значительно увеличивает время выполнения задания. Странно? Пожалуй. Кстати, а что насчет груза?

– Умка, ты можешь уточнить, что за груз мы везем? Хотя бы посмотри его маркировку.

– Грузовой отсек пуст.

С минуту Ник невидящим взглядом смотрел перед собой, потом с силой хлопнул себя по лбу.

– Ну, конечно же, как мне это сразу не пришло в голову! – воскликнул он.

– «Валькирия» и есть тот самый груз! Какой же я глупец. Это и объясняет то, что Умке не удалось войти в заблокированные системы корабля. Должно быть, нужен специальный код доступа для активации неведомых программ.

Для чего они нужны, Ник даже не пытался ломать голову. И код доступа наверняка есть только у получателя. Чем больше он об этом думал, тем больше находил каких-то, на

первый взгляд, несуразностей, которые в совокупности таковыми уже не казались. Теперь он хотел лишь одного – как можно быстрее доставить «Валькирию» в пункт назначения, передать ее получателю в целости и сохранности. Тут ему почему-то вспомнился Петр Овсянников, с любовью поглаживающий амортизаторы «Валькирии». И отбыть на базу. Там его, наверняка, ждет самый что ни на есть серьезный разговор с Шефом. Правда, времени обдумать свои контраргументы у него будет достаточно в обратном полете, так что сейчас Ник решил об этом не беспокоиться.

– Так, Умка, вернемся к нашим координатам. Предлагаю ориентироваться на последние данные от маяка исследовательской базы. Что, кстати, находится в том секторе?

– Этот сектор практически не изучен, данных мало. Я специально сделала запрос в БВИ. Зачитываю ответ:

«Сектор F-1456/0002 представляет собой сильно разряженную туманность вытянутой формы размерами около 60х45х115 парсек, местами имеются пылевые скопления веретенообразной формы. Данные получены от беспилотных исследовательских зондов БИЗ-12567/346 и БИЗ-23799/1007 в 2456 и 2489 годах соответственно. Дальнейших исследований не проводилось в связи с их нецелесообразностью».

– Интересно получается, – присвистнул Ник, – значит, никаких исследований в связи с нецелесообразностью.

В глубине души он уже начал жалеть, что самовольно изменил заданный маршрут. Сейчас задание уже не казалось таким простым и понятным, становясь все более запутанным, если не сказать странным. Ник отчетливо понял, что ответы на вопросы находятся далеко за пределами его компетенции. «Ну а раз так, то и не буду забивать себе голову. Моя задача – доставить груз получателю, этим и следует заняться» – резюмировал он.

– Как идет набор энергии?

– С опережением графика. Сенсоры отмечают возрастающую активность флуктуационного поля, что нехарактерно для этого района. Среднее натяжение по шкале Бернанда-Рихтера от 12 до 14 террагерц, сейчас оно приближается к 16.

– Вот это как раз как нельзя кстати, – Нику не терпелось поскорее добраться до цели. – Какое расстояние зафиксировано между первыми и вторыми координатами маяка?

– 0,3 астрономической единицы⁵.

– Прилично, но думаю, на месте разберемся – или прыгнем в низком режиме, или дойдем на гипердвигателях.

– Натяжение поля достигло 19 террагерц, – доложила Умка. – Мне не нравится скачкообразный характер натяжения. Также не удастся выяснить причину столь мощного возмущения.

Ник бросил взгляд на индикаторы, стрелка показывала 19, 2. Пока ничего критического. При натяжении поля более 25 террагерц увеличивалась погрешность точности в точках входа и выхода, а свыше 30 нуль-переходы становились и вовсе не безопасны.

– Энергоемкость 50 %.

– Готовность один! – Ник поудобнее устроился в кресле и привычно защелкнул ремни. Он специально отдал эту команду. Теперь даже если натяжение поля приблизится к 25 террагерц, компьютер не отменит прыжок. Ждать несколько дней, пока не утихнут флуктуационные возмущения, у него уже не было сил.

– Натяжение 23, энергоемкость 65, – монотонно прозвучал голос Умки. – Даю обратный отчет. Девять, восемь...

⁵ Астрономическая единица (а. е., аи) – исторически сложившаяся единица измерения расстояний в астрономии, приблизительно равная среднему расстоянию от Земли до Солнца. Применяется в основном для измерения расстояний между объектами Солнечной системы, внесолнечных систем, а также между компонентами двойных звезд. А.Е = 149 597 870 700 км.

«Все-таки какие-то странные скачки поля...» – успел подумать Ник, проваливаясь в темноту.

Глава 2

Сознание не хотело возвращаться, ужасно тошнило, во рту явственно ощущался железный привкус крови. Ник с трудом открыл глаза. Было ощущение, что ему бросили в лицо пригоршню песка. Он попытался проморгаться и скривился от боли. Рубка двоилась и расплывалась. Ник попробовал сфокусировать зрение на пульте управления. Там тревожно мерцали красные огоньки. Пахло горелой проводкой и чем-то кислым. «Меня все-таки вырвало», – подумал он, и эта мысль, как ни странно, вернула его к действительности.

– Умка, доложи обстановку, – прохрипел он, губы едва слушались, все лицо свело словно судорогой.

– Системы жизнеобеспечения в норме, энергоемкость 2 %, наши координаты не установлены. Есть сбои в работе 4-го, 7-го, 9-го и 12-го контуров. Произвожу дальнейшую диагностику.

«4-й – это эмиттер силового поля, – лихорадочно соображал Ник, – 7-й – батареи энергонакопителей, 9-й – сканы дальней разведки, 12-й – это аппаратура нуль-связи».

– Так, а что у нас с навигационной системой?

– Все показатели в норме.

– Ты же сказала, что координаты не установлены?

– Навигационная система работает в штатном режиме. Координаты не установлены, так как невозможно определить контрольные точки отсчета.

– Что за ерунда? – Ник похолодел. – В таком случае, где мы находимся?

– Мы находимся в звездной системе, не зарегистрированной ни в одном каталоге. Продолжаю сканирование. Пытаюсь установить контакт с контрольными навигационными маяками.

Ник отстегнул ремни и тяжело вылез из кресла. «Надо привести себя в порядок и собраться с мыслями». Ужасно хотелось пить. Ник отправился в кухонный отсек. Только выпив не меньше литра освежающего напитка, отдаленно напоминающего апельсиновый сок, он почувствовал себя лучше. «Сейчас бы принять настоящий душ, смыть с себя липкий пот, кровь вперемежку с собственной рвотой», – Ник мечтательно представил, как стоит под холодными водяными струями, запрокинув голову. Но такой роскоши на челноке, естественно, не было, и ему пришлось ограничиться ионным душем. Поставив интенсивность на максимум, Ник через какое то время почувствовал себя несколько бодрее.

«Будем действовать поступательно, – решил он, – первым делом установим, что же собственно произошло».

– Умка, дай запись рубки управления за минуту до последнего прыжка. В восьмикратном замедлении желательно, – добавил он.

На экране тотчас же появилось изображение. Ник увидел себя сидящим в кресле пилота. Ракурс был взят со стороны и чуть сверху, так что отчетливо можно было видеть показания всех приборов. Вот он беззвучно дает команду о готовности, одновременно пристегивается. Умка начинает отсчет, это видно по меняющимся цифрам в правом верхнем углу экрана: 9, 8, 7, 6, 5... Вот экран покрывается рябью, и одновременно изображение начинает вытягиваться, очень напоминая комнату смеха с кривыми зеркалами. 3, 2... Уже нельзя различить ни одного предмета, настолько они вытянулись в виде разноцветных линий. Последнее, что видно на экране, – это радуга и сразу чернота...

Никуну не один раз доводилось просматривать запись нуль-перехода. Ничего необычного и в этот раз. Он знал, что через секунду все до мелочей повторится, но только в обратной последовательности. Экран начал проясняться, вот уже можно различить пульт управления, очертания приборов, вот он сам, откинувшийся в кресле. Ник уже собрался ускорить воспроизведе-

дение, как вдруг центральный экран озарила нестерпимо яркая вспышка. Ник непроизвольно откинулся, что есть силы зажмурив глаза.

– Стоп запись, уменьшить яркость, верни до вспышки, еще раз, стоп! – скороговоркой прокричал он.

Когда в глазах перестали плясать радужные круги, уже спокойнее скомандовал:

– Включай, Умка, и дай 16-кратное замедление.

На этот раз свет от вспышки медленно заливал рубку управления. Умка немного затемнила изображение, и сейчас глаза не резало ослепительной болью. Все внимание Ника было приковано к центральному экрану. Сейчас стало заметно, как системы жизнеобеспечения пытаются снизить яркость излучения, включая один за другим световые фильтры. Но автоматы явно не успевали. Один за другим на панели управления вспыхивали красным цветом тревожные индикаторы. Нику не надо было всматриваться в их показатели. Было и так понятно, что корабль подвергается мощнейшему внешнему воздействию. Хорошо, что запись производилась в замедленном режиме. Звука не было. Ник представил себе одновременный вой датчиков тревоги, который еще недавно наполнял рубку, и поежился.

Весь экран как будто залило море огня, и ничего нельзя было различить в этом адском пламени. Но вот автомат стал отщелкивать изображения на удаление. Картинка постепенно уменьшалась, яростное сияние словно стекало с периферии к центру экрана.

– Вот это да! – только и мог выдать Ник.

В центре экрана, взметая, словно щупальцы, огненные протуберанцы, величественно полыхала звезда. Зрелище было настолько завораживающее своей красотой и нереальностью, что чувство опасности куда-то отступило. Ник в ступоре смотрел в огненную пучину, в которую со скоростью 500 километров в секунду неотвратно погружалась «Валькирия». Он почти физически ощутил, как гигантские гравитационные тиски звезды пытаются смять защитное поле челнока, чтобы потом в один миг превратить его в короткую вспышку фотонов.

Экран снова зарыбило, очертания поплыли, словно размазываясь. Затем наступила темнота. «Аварийный джамп-прыжок», – понял Ник. В этой ситуации компьютер жизнеобеспечения принял единственно верное решение. Аварийный джамп-прыжок применялся настолько редко, что Ник знал о нем только из короткого технического курса, который им начитывали перед зачислением в учебку. В критической ситуации, в которую он, похоже, и умудрился попасть, компьютер произвольно выбирал новые координаты выхода и без точных вычислений выбрасывал корабль из опасной зоны. Новая точка выхода могла оказаться на расстоянии от нескольких астрономических единиц до одного парсека. Правда, Ленка Пантелеев рассказывал, что опытные звездолетчики между собой называли его «билет в один конец». Что, мол, при аварийном джамп-прыжке можно оказаться размазанным в подпространстве, как масло на хлебе. Так ли это на самом деле или это была одна из многочисленных страшилок, передаваемая курсантами учебки из выпуска в выпуск, Ник не знал. Но он был жив, и это его вполне устраивало.

Ник почувствовал, что опять на него наваливается усталость. Возможно, это была запоздалая реакция организма на пережитую опасность. Но расслабляться было нельзя. Несмотря на то что из отчета Умки следовало, что в данный момент кораблю ничего не угрожает, нужно было срочно прояснить сложившееся положение.

Мысли путались, Ник не знал, с чего начать. Корабли класса «Д» («Валькирия» принадлежала к ним, хотя, возможно, и превосходила их по своей технической оснащенности) были полностью автономны и практически не требовали участия человека в их работе. В бортовых компьютерах хранились бесчисленные множества алгоритмов действий во всех ситуациях, которые когда-либо случались в истории космонавтики. Конструкторы челноков предусмотрели и определенный резерв для воспроизводства вышедшей из строя аппаратуры. Пилот был, по большей части, наблюдателем, и в его задачи входила координация действий системы во

внештатных ситуациях. Сейчас вмешиваться в работу систем корабля не имело смысла. Легкая вибрация и помигивание контрольных датчиков показывали, что «Валькирия» находится в режиме регенерации. Когда она закончится, Умка даст окончательное заключение о состоянии корабля.

* * *

«Пожалуй, на данный момент главное – это установить мое местоположение», – Ник не совсем понял, что имела в виду Умка, когда сказала, что «координаты не установлены, так как невозможно определить контрольные точки отсчета».

«Никогда не слышал, чтобы кто-то попадал в подобную передрагу. Ну не в том смысле, что никто до меня не оказывался в такой опасной близости от звезды. Вон, тот же Овсянников в экспедиции к квазару. Это еще похлеще будет. Но вот чтобы навигационные системы потеряли связь с нуль-пространственными маяками? Такого я что-то не припомню. Странно. Навигационная система же в норме? – размышлял Ник. – С другой стороны, вырваться из самого пекла звезды и без особых последствий? – Его в который раз пробил холодный пот. – Наверняка в навигационной системе все-таки произошел какой-то сбой».

– Дать внешний обзор! – скомандовал он и тут же поспешно добавил: – Затемнить пол.

В этот раз он был внутренне готов к «свободному» парению, но после всего недавно пережитого все-таки предпочел не только чувствовать, но и видеть привычное матовое покрытие рубки.

«Валькирия» висела в темноте космического пространства. Конечно, это была иллюзия, корабль летел с той же скоростью, какую имел до прыжка, около 500 км/с. Возможно, даже больше. Чудовищная гравитация местного светила, в опасной близости от которого ему довелось оказаться, придавала добавочное ускорение «Валькирии», затягивая ее в свою бездну. Но Ника сейчас это мало интересовало. «Валькирия», окруженная силовым полем, которое можно было заметить разве что по редким вспышкам сгорающих в нем мелких метеоритов, неуклонно удалялась от звезды. Ник развернул кресло на 180 градусов. Сейчас она казалась маленьким желтоватым пятнышком размером не больше шарика для пинг-понга. Аварийный джамп-прыжок прошел безупречно. «Валькирия» вышла на безопасном расстоянии, но и не оказалась слишком далеко. «Хоть в чем-то мне сегодня повезло», – грустно усмехнулся Ник.

Что-то его тревожило, но он не мог понять, что именно. За последние часы произошло столько событий, что мысли разбегались в разные стороны, одна быстрее другой, и он не мог сосредоточиться ни на одной из них. Откуда взялась здесь звезда, да еще, по всей видимости, со своей звездной системой? Тут в радиусе 100 парсек космических тел размером больше астероида просто не могло быть.

– Умка, проверь расчеты нашего прыжка в сектор F-14056/0002 с учетом скачка флуктуации в точке входа.

– Уже проверила. Флуктуация не превышала 23, 5 единиц, поэтому погрешность точности выхода минимальна.

– Тогда объясни мне, любезная моя, как вдруг здесь оказалась эта звезда? – неожиданно для себя перешел на шутливый тон Ник.

– Судя по интенсивности и спектру излучения, она относится к звездам класса G2. Так что, мой дорогой Ник, она здесь уже не меньше пяти миллиардов лет.

«А почему, собственно, и нет? – теперь мысли побежали в одном направлении. – Что если, действительно, исследователи обнаружили в этой туманности звездную систему, но по какой-то причине пока не занесли ее в общегалактический межзвездный реестр? Дали мне безопасные координаты выхода, а я, безмозглый самонадеянный кретин, взял да и по своему усмотрению их подкорректировал?»

Мозаика, кажется, начала складываться, и Ник заметно повеселел. Если это так, а это именно так, а никак иначе, то остается только дать о себе знать или поймать сигнал с исследовательской базы. Жаль, конечно, что нуль-связь не работает. Но ничего, в радиусе звездной системы и лазерная связь сойдет. Конечно, это займет на порядок больше времени. Он поймал себя на мысли, что его уже не так беспокоит возможность опоздать на Эксельсиор. Главное – выполнить задание, а то, что ему пришлось недавно пережить, пожалуй, с лихвой заменит собой любое реалити-шоу. Только надо будет не забыть сделать копию записи полета. А то наверняка после разбирательства с руководством все данные бортовых компьютеров изымут. А то, что будет разбирательство на самом высшем уровне, Ник больше не сомневался.

– Умка, что в эфире? Никаких сигналов с принимающей базы?

– Нет, сканирую на всех частотах, в том числе и аварийных. Наши позывные также идут с момента выхода корабля в этой точке пространства.

Ника немного раздражало, что ему приходится задавать Умке риторические вопросы. Конечно, если бы сканы запеленговали позывные исследовательской базы, то ему об этом сразу же доложили бы. Но просто так сидеть и ничего не делать он не мог.

Тут в нем проснулось любопытство. Интересно, чем это так заинтересовал исследователей этот сектор и почему работы проводятся в такой секретности?

– Умка, есть уже какие-нибудь данные по этой звездной системе?

– Как я уже говорила, это звезда класса G2, и на данный момент я зарегистрировала пять планет-спутников, находящихся от нее на расстоянии 0, 3; 0, 85; 1, 2; 3 и 5, 5 астрономических единиц соответственно. Более точные данные смогу привести после дополнительных расчетов их эксцентриситетов. К пятой, самой удаленной от местной звезды, планете мы приблизимся через 7 часов, если будем идти с той же скоростью. Далее располагаются два плотных пояса астероидов на расстоянии в 10 и 15 астрономических единиц. Первый, скорее всего, относится к смешанному классу SM: спектральный анализ показывает большое содержание как силикатов, так и металла; что касается второго пояса, то в связи с отказом в работе сканов дальнего действия...

– Постой, – прервал ее Ник, – астероиды – это конечно очень интересно, но меня все-таки больше интересуют планеты. Есть ли в них что-нибудь необычное, ну или, скажем так, редкое? Что-то же должно было заинтересовать земных исследователей?

– В космосе много необычного, – Умку явно больше интересовали астероиды. – Две планеты, вторая и третья, если считать по удалению от их материнской звезды, можно отнести к подгруппе М. Точный индекс Гаусса без дополнительных исследований определить затрудняюсь, но, возможно, в диапазоне от 5 до 8.

Ник просто ошеломлен. Еще не до конца поверив в услышанное, он тихим голосом переспросил:

– К какому классу относится эта звезда?

– Мне несложно повторить это и в третий раз, – в голосе Умки он уловил нотки раздражения, или ему это просто показалось? – Звезда класса G2.

Это было невероятно. Ник с трудом сдержался, чтобы не закричать: «Бинго!»

«Конечно, это еще ни о чем не говорит, – мелькало у него в голове, – это, конечно, надо проверить, очень тщательно проверить и даже не один раз проверить. Это же надо, такое совпадение – звезда класса G2, планета, точнее две планеты, подгруппы М и от 5 до 8 по десятибалльной шкале Гаусса!» Он отчетливо вспомнил, как их преподаватель по экзобиологии любил повторять:

«При всем бесчисленном многообразии Вселенной, найти звезду класса G2, к которому, как вы все хорошо знаете, принадлежит и наше Солнце, очень непросто. Тем более если у этой звезды есть своя планетарная система. А если там вдруг окажется планета подгруппы М, к которой относится и наша старушка Земля, то это просто неслыханная удача! На такой планете

очень вероятно возникновение и существование биологической жизни. А чтобы определить потенциальную вероятность, и применяется метод Германа Гаусса».

– Начинаем торможение! Рассчитай кратчайшую траекторию возвращения к третьей планете.

– Расчет траектории готов, – Ник не переставал удивляться скорости вычислений Умки. – Вывожу визуальный ряд на экран.

На экране появилась трехмерная проекция звездной системы с пятью разными по размерам и цвету шарами. Пульсирующей точкой была отмечена «Валькирия». Пунктирная линия расчетной траектории почти вплотную приближалась к последней, пятой планете, огибала ее и устремлялась в обратный путь к их новой цели – к голубоватому и пока безмянному шару. Нику сразу стало понятно решение Умки. Гравитация пятой планеты поможет существенно снизить скорость «Валькирии», что позволит сократить время для осуществления маневра разворота.

– Расчетное время подхода к третьей планете составляет 19 часов.

– Отлично, Умка, выполняй!

По легкой вибрации Ник понял, что включился режим торможения – «Валькирия» меняла курс.

Только теперь он почувствовал, как проголодался. «Сейчас надо плотненько так подкрепиться, а затем хорошенько выспаться, – решил Ник. – Тогда я снова стану полноценным человеком».

Корабельный рацион был довольно разнообразным, но за год службы успел изрядно поднадоесть. Но в этот раз Ник с большим удовольствием соорудил себе несколько трехэтажных бутербродов, обильно полив их кетчупом, майонезом и горчицей. Дожевывая последний кусок уже в кресле пилота, промычал:

– Умка, буди меня, только если рядом рванет сверхновая! – потом, немного поразмыслив, что машина может понять его буквально, добавил: – Приказ отменяется, работаем в штатном режиме.

Кресло услужливо видоизменилось, приняв горизонтальное положение.

Уснул он мгновенно, словно ушел в нуль-прыжок. Сказались выпавшие на его долю усталость и тревога. Но в отличие от состояния небытия при переходе, Нику снились сны, хаотично наплывающие друг на друга и плавно переходящие из одного в другой. Земля, родители, бабушка. Их дом на Телецком озере.

Вся семья сидела за большим столом. Мама что-то оживленно рассказывала папе, при этом активно, в так любимой отцом манере, жестикулировала. Бабушка молча смотрела и улыбалась. Нику было хорошо и спокойно. Наконец-то не надо никуда спешить, а просто можно вот так сидеть, не спеша смакуя из заиндевшего бокала ягодный морс. Ник безмятежно улыбался, понимая, что выглядит сейчас не как космический волк, а как мальчишка, безмерно соскучившийся после долгой разлуки с родными. И ничего не мог с этим поделать.

Тут в дверь требовательно постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел как всегда мрачный Овсянников. Почувствовав недоброе и чтобы понапрасну не тревожить родителей, Ник, радушно улыбаясь во весь рот, быстро поспешил к Петру навстречу, немного невежливо развернул его и, кивнув успокаивающе своим, вывел в сад.

Стояла темная ночь. Беспрерывно трещали цикады, а теплый ветерок доносил сладковатый запах цветов. Черное небо было сплошь усыпано яркими звездами. Они мерцали, переливались и как будто подмигивали Нику. «Ну, что за человек этот Овсянников? Одним своим присутствием ухитрился испортить такую идиллию!»

Петр, по своему обыкновению, тяжело вздохнул, ткнул пальцем в звездное небо и медленно с расстановкой произнес: «Стажер, если ты сегодня же не доставишь "Валькирию" до

пункта назначения, звезд тебе больше не видать! И уж точно не из рубки управления каким бы то ни было кораблем».

– Звёзды! – закричал Ник и проснулся.

Сердце бешено колотилось. Он тупо уставился на циферблат часов. По ним выходило, что проспал он не больше двух часов. Звёзды. От нехорошего предчувствия сердце сжалось. Ник уже знал, что увидит. Он все-таки помедлил, прежде чем отдать команду:

– Умка, полный обзор!

Он молча стоял в пустоте, глядя прямо перед собой. Где-то впереди мерцало защитное поле, еще чуть дальше по курсу плыл красноватый шар пятой планеты. Он уже был величиной с баскетбольный мяч. Через час диск планеты увеличится вдвое и можно будет уже невооруженным глазом рассматривать рельеф ее поверхности. Ник обернулся. Звезда казалась светящейся точкой, «Валькирия» удалилась от нее по меньшей мере на 600 миллионов километров.

Ник безучастно огляделся вокруг. Сейчас он думал только о том, почему он не заметил этого сразу? Может быть, так устроен человеческий мозг? Если глаза видят то, чего не может быть, тогда разум не верит своим органам чувств и просто блокирует сигналы? Правда, в данном случае все было наоборот. Глаза не видели то, что должны были видеть. Его окружала абсолютная, черная пустота. Привычной россыпи звезд не было. Только прямо по курсу висел красный диск приближающейся планеты, да позади еле тлел огонек неизвестной звезды. «Может, я еще сплю?» – пронеслась у него шальная мысль, но он ее тотчас отбросил.

– Умка, я правильно понимаю, мы находимся в неизвестной звездной системе, с неизвестными координатами и эти координаты невозможно рассчитать, так как нет контрольных точек отсчета? – Ник начал потихоньку заводиться. – А если перевести это на нормальный человеческий язык, то в радиусе видимости нет ни одного известного нам созвездия, чтобы мы могли выяснить хотя бы примерное наше местоположение. А если быть совсем уже точным, то нет ни одной, даже самой завалящей звезды! – он уже почти кричал. – Хотя нет, что это я, есть одна, в которую мы чуть не влетели. Ох, какое везенье! И вот нате вам, оказывается и она НЕизвестная! – Скажи-ка мне, супермозг, как могло такое случиться: прыгнули по одним координатам, а вышли не то что по другим, а вообще ни по каким? Что это, другая Вселенная с одной звездой? Или черная дыра? Или, может быть, как там его раньше называли? Рай? – Ник понимал, что несет чепуху, но не мог заставить себя остановиться. – Что показывают твои хваленые супер датчики?

– Во-первых, что у тебя поднимается артериальное давление, – невозмутимо произнесла Умка. – Во-вторых, это не черная дыра и не мини-Вселенная. Я не хочу даже дискутировать по этому поводу. В-третьих, прыжок прошел по заданным координатам. И если тебе это интересно, у меня есть кое-какие соображения по поводу того, где мы находимся...

– Только соображения? Прекрасно! Я-то это уже знаю наверняка!

– И где же мы? – все так же невозмутимо поинтересовалась Умка.

– Где, где... – не выдержал Ник. – Чуть пониже спины! Только вот не знаю еще, у кого!

– Я ожидаю данных от зондов-разведчиков, чтобы обобщить информацию, – не обращая внимания на его слова, продолжила Умка. – Но уже сейчас могу сказать, что это закапсулированная область пространства. Физические законы здесь тождественны законам нашей Вселенной, так что, спешу тебя успокоить, мы не в Раю. Единственно непонятно ведут себя квантово-волновые процессы. Возможно, в этом кроется причина практически полного отсутствия в этом секторе флуктуации поля.

– Отсутствует флуктуация поля?

– Да, натяжение поля в диапазоне от 0, 001 до 0, 003 террагерц.

– Еще один сюрприз, – с досадой проговорил Ник, – а у нас осталось всего 2 % от мощности, все остальное ушло на переход и на эмиттеры защитного поля. Еще бы чуть-чуть, и превратились бы в фотоны этой звезды.

- Уже 1,5 %, – поправила его Умка. – Здесь расход энергии идет значительно быстрее.
- Какие варианты дозаправки?
- Один. Местное солнце. Но понадобится время.
- Сколько?
- Один, максимум два процента мощности в месяц при условии полной гибернации.

«Полная гибернация» – Ника даже передернуло. Он представил себе «Валькирию» с погашенными бортовыми огнями, безжизненно вращающуюся вокруг местного светила и себя, замурованного в ней, – полумрак аварийного освещения, ионный душ раз в месяц, питание таблетками-концентратами.

– Это же как минимум полтора-два года, чтобы выбраться из этой западни? – на всякий случай уточнил он.

– Не могу ответить наверняка. Возможно, мы не сможем пробить это пространство. Я бы рекомендовала попробовать сначала вывести аварийный зонд-передатчик. Сопоставив все имеющиеся факты, с большой долей вероятности можно считать, что исследовательская база как раз и занималась изучением этого объекта. Только она находится за пределами пространственного «кокона», а мы внутри него. И то, что здесь нет ни одного земного зонда, говорит о том, что кроме нас сюда попасть еще никому не удалось.

– Пространственный «кокон», – как бы пробуя эти слова на вкус, повторил за ней Ник. – Это какая же вселенская катастрофа должна была произойти, чтобы свернуть пространство вокруг целой звездной системы?

– Капсулирование этой звездной системы носит, скорее всего, искусственный характер. Технология, принципы и даже возможность осуществления такого масштабного действия мне не известны. Также очевидно, что для поддержания этой системы в стабильном состоянии необходима постоянная подпитка ее энергией. Какая требуется для этого мощность, не известно. Чтобы это выяснить, потребуется узнать природу искривления пространства и тип наведенных полей, вызвавших эту капсуляцию. Такие данные в моей памяти не содержатся. Однако речь, очевидно, идет о мощностях порядка петаджоулей, так что местная звезда почти наверняка закольцована в этот энергетический контур.

Сказать, что Ник был ошеломлен, значит ничего не сказать. Слушая бесстрастный голос Умки, словно та рассказывала об очередной вспышке на Солнце, он еще не до конца понимал, какой сюрприз преподнес ему Его Величество Случай. Но то, что это далеко не заурядное событие не только для стажера Ника, но и для всего человечества в целом, было уже ясно.

– Ты хочешь сказать, что мы наткнулись на сверхцивилизацию?

– Точнее, пока только на следы ее деятельности. Ответ на твой вопрос может находиться на одной из трех ближайших планет этой звезды. Об этом можно судить по экстраполяции векторного натяжения поля. Через 15 часов подойдем к зоне досягаемости наших радаров, тогда проведем сканирование. Возможно, что-то удастся прояснить.

– Будем вступать в контакт? – Ник пытался хоть что-нибудь вспомнить из курса лекций по возможным контактам с представителями другой цивилизации, но из-за волнения в голову приходили только несвязные обрывки.

– Меня смущает, что кроме «кокона», других следов разумной деятельности мы пока не обнаружили. Я за все время не зафиксировала ни одного упорядоченного сигнала. Радиоспектр низкий. Его дает местная звезда. Возможно, когда подойдем ближе к третьей планете, удастся установить что-нибудь еще.

– Да, это действительно странно, – Ник хорошо помнил из школьной программы, что радиоспектр планеты, освоившей радиовещание и телевидение, должен превышать радиоспектр материнской звезды. Цивилизация, сумевшая закрыть свою звездную систему пространственным «коконом», не может не знать радиологию. Одни сплошные догадки!

– Можно предположить все, что угодно, но ты права, надо подойти ближе, – Ник задумчиво почесал подбородок. – Значит, у нас примерно 15 часов в запасе. Давай поговорим о «коконе». Ты считаешь, что из него нельзя вырваться. Тогда скажи мне, как мы в него сумели попасть?

– Я это не утверждаю, а только предполагаю, основываясь на имеющихся данных. Натяжение здешнего пространства увеличивается в геометрической прогрессии с удаленностью от звезды и, наоборот, уменьшается к ее приближению. Возможно, нам просто повезло, что точка выхода была практически в ее «кроне». – При этих словах Ник снова поежился. – В противном случае «Валькирия» попала бы в горизонт событий и навечно осталась бы в пространстве-времени «кокона». Возможно, также сыграл свою роль гипердвижок корабля нового поколения. Из-за нехватки данных предположений можно настроить и больше. Но одно точно – без предварительных исследований и испытаний на зондах-разведчиках прыгать из «кокона» равносильно самоубийству.

– Получается, что земная исследовательская база, скорее всего, бьется над проблемой проникновения в это пространство, – вслух начал размышлять Ник. – Для этого, видимо, им и понадобилась «Валькирия». А я вместо того чтобы доставить ее специалистам, умудрился решить эту задачу кардинально, вломившись сюда как слон в посудную лавку. А что теперь с этим делать, совершенно не представляю. Хорошенькая история получилась. Похоже, моя карьера в Космических Силах на этом и закончилась.

Ему стало жалко себя, стыдно перед отцом, так мечтавшим, чтобы сын пошел по его стопам. В этот момент он как-то не думал, что ему никогда не удастся выбраться живым из этой передраги. Тому причиной была то ли молодость, то ли вера во всемогущество земной техники и людей, которые во что бы то ни стало придут к нему на помощь.

Наверняка база зафиксировала возмущение пространства «кокона», когда его пронзала «Валькирия». Значит они знают что он здесь. Оставалось только ждать и по возможности исследовать эту загадочную планетную систему. Эта мысль немного приободрила Ника. Возможно, он первым вступит в контакт с ранее неизвестной разумной расой и его имя навсегда войдет в учебники по истории освоения Космоса. А победителей, как говорили еще в стародавние времена, не судят.

– Умка, разбуди меня, когда подойдем на расстояние действия радаров, – Ник понял, что ему все же следует перво-наперво хорошенько выспаться. Мозг отказывался трезво анализировать поступающую информацию. Еще бы, он бодрствовал больше 40 часов!

«Как много произошло за это время», – думал Ник, понемногу погружаясь в сладкие объятия Морфея.

* * *

В этот раз он спал без сновидений, и как только мелодичные звуки колокольчиков достигли его сознания, он открыл глаза.

– «Молодец Умка», – похвалил ее про себя Ник. Он терпеть не мог корабельные будильники, своим визгом напоминающие аварийную сирену.

Ник чувствовал себя превосходно и первым делом отправился на кухню. Традиционно после пробуждения он пил кофе. К нему он пристрастился от бабушки. Удивительно, что когда-то натуральный кофе считался вредным для здоровья. Как, впрочем, и шоколад. Ника всегда удивляло, как медики разных эпох диаметрально противоположно трактовали воздействие на организм одних и тех же веществ.

– Ну что там у нас? – с набитым ртом спросил Ник.

– Даю неполную панораму, – тотчас же отозвалась Умка. – Мы находимся на расстоянии трех миллионов километров от третьей планеты. Час назад перешли в режим торможения.

Через два часа можем встать на орбиту. Я выслала четыре зонда-разведчика, скоро начнем получать изображение ее поверхности.

– Не мало ли зондов?

– К сожалению, на «Валькирии» не предусмотрено больше десяти зондов. Шесть в данный момент изучают пояса астероидов. Вернутся не раньше, чем через пятьдесят часов.

– Сдались тебе эти астероиды, – проворчал Ник, но потом миролюбиво добавил: – Ну, хорошо, в нашем положении спешить некуда.

Жуя бутерброды с консервированной бужениной и прихлебывая неторопливо кофе, Ник осматривал окрестности. Собственно говоря, смотреть было не на что. Вокруг простиралась чернота, только впереди желтела звезда. Планету, к которой сейчас стремительно неслась «Валькирия», видно не было. Ник добавил увеличение, но безрезультатно. Та находилась в апогее от корабля и, вдобавок ее сейчас скрывал диск материнской звезды. Нику не терпелось поскорее рассмотреть планету, и он уже собрался спросить у Умки, когда та наконец появится в зоне видимости их сканов. Но машина вновь его опередила.

– Начинаю получать сигнал, перевожу изображение на экран.

Главный экран разделился на четыре квадрата. Три продолжали рябить, однако на четвертом начало проявляться изображение.

– Ого! – помимо воли вырвалось у Ника. – Плывущий в темноте голубоватый шар неизвестной планеты пронзительно напомнил ему Землю. – Ого-го! – Ник непроизвольно подался к экранам. – Там еще и облака? Если состав атмосферы хоть на четверть окажется сходным с земным, я станцу ча-ча-ча!

– Есть данные спектрального анализа атмосферы, – невозмутимо сообщила Умка.

– Ну? – только и смог промычать Ник.

– Даю данные до второй цифры после запятой. Более точные сообщу после забора атмосферы.

– Давай, Умка, не тяни, – с мольбой в голосе попросил Ник.

– Азот – 75,03 %. Кислород – 21,08 %. Аргон – 1,01 %. Углекислый газ – 0,04 %.

– Вот это попадание! – еще до конца не веря услышанному, воскликнул Ник.

– Идентичность с земной атмосферой – 98,9 %. Есть превышение инертных газов, но для человеческого организма – в пределах нормы. Радиоактивный фон также не превышает земной. Период обращения вокруг материнской звезды – 324,56 дня, оборот вокруг своей оси – 22 часа 16 минут.

– Это просто невероятно! Она же близнец Земли! – запричитал Ник. – Этого просто не может быть! Вот это попадание так попадание! Это как же меня так угораздило-то, а?

– Кто-то обещал ча-ча-ча, – бесстрастно отозвалась Умка.

– Да я б тебя всю расцеловал! – захохотал Ник, пускаясь в пляс.

На экранах тем временем пошли изображения немного с других ракурсов. Зонды специально вышли на разные орбиты. Нижний шел на высоте 50 000 км от поверхности и давал более четкую картину. На экране возникло изображение плотного слоя белых перистых облаков. Изредка в них попадались разрывы, и тогда можно было рассмотреть зеленые равнины, перемежающиеся с густыми лесами.

– Остальные три зонда проводят топографию поверхности планеты, скоро у нас будет более-менее подробная ее карта.

– Меня интересуют в первую очередь постройки искусственного происхождения.

– Запасись терпением, если бы у нас не были повреждены сканы дальнего действия, мы бы еще 20 часов назад имели полную информацию по этой планете. Начиная от состава и температуры ее ядра до бактерий, живших здесь миллион лет назад.

– Регенерация не удалась?

– Нет, требуется полная замена всех сверхчувствительных датчиков. Силовое поле не смогло полностью погасить жесткое излучение звезды.

– Ну что же, будем довольствоваться тем, что имеем. Ты говорила, что тебе неподконтрольна часть систем «Валькирии»?

– Большая часть, – поправила его Умка.

– Судя по всему, если мое предположение на счет «Валькирии» верно, – начал размышлять вслух Ник, – тогда наверняка она должна быть оснащена оборудованием для работы в этом секторе пространства. Конечно, ученые с исследовательской базы не могли точно знать, что здесь найдут, но как раз поэтому, возможно, попытались предугадать различные варианты развития событий. В любом случае надо попробовать активировать недоступное тебе оборудование.

– Это возможно сделать только одним способом.

– Да, Умка, придется отстранить тебя от управления кораблем, – уже подойдя к панели, сказал Ник.

Отсоединив клеммы, он аккуратно достал Умку и, немного подумав, начал медленно ее растягивать. Обычно он носил ее как браслет на левой руке, но сейчас, растянув до нужной длины, защелкнул вокруг шеи. Теперь Ник мог отдавать ей команды, даже не произнося слова вслух, а для получения ответов не надо было подносить устройство к уху. Затем так же аккуратно он водрузил на место бортовой компьютер «Валькирии».

– Компьютер борта 103 готов к работе, – тут же донеслось из динамиков. – Сканирование автоматических систем корабля показывает многочисленные сбои в работе контуров....

– Отставить доклад, – перебил его Ник. Ему сейчас совершенно не хотелось выслушивать длинный перечень повреждений «Валькирии». Тем более что большую их часть можно было исправить или заменить только на стационарной верфи базы.

– Что ты можешь сообщить мне по сектору, в котором мы сейчас находимся? – не особо надеясь узнать что-нибудь новое, задал вопрос Ник.

– Предположительно мы находимся в звездной системе Z-2, сектора F-14056/0002, подсектор – A133. Звезда относится к группе G2, в ее планетарную систему входят пять планет....

– Стоп-стоп-стоп... – скороговоркой прервал его Ник – Значит, система Z-2 сектора F-14056/0002 подсектора A133? Насколько мне известно, в навигационных картах не значатся ни система Z-2, ни подсектор A133. Сектор F-14056 есть, пожалуйста, а подсектора A133 в секторе F-14056 нет. Что ты мне на это скажешь?

– Вам необходимо активировать код доступа к закрытым файлам. Введите пароль.

– Что ты несешь! Какой еще пароль! – в недоумении воскликнул Ник. – Я в этом полете исполняю обязанности командира челнока «Валькирия», борта 103. Я обладаю полномочиями задействовать любые системы корабля.

– Вам необходимо активировать код доступа, чтобы получить расширенные полномочия, – голос компьютера был совершенно бесстрастным.

Ник был обескуражен. Ни с чем подобным ему до этого сталкиваться не приходилось. Но и злиться на машину было бессмысленно. «Надо попробовать зайти с другой стороны», – решил он.

– Тебе поставили блокировку доступа к дополнительным файлам?

– Да.

– И активировать их возможно, только зная код доступа?

– Нет, не только. Должно иметь место и другое условие.

– И какое? – Нику казалось, что он общается с умственно отсталым человеком, а не с квантово-волновым компьютером с разрешающей способностью 10 в 32 степени операций в секунду.

– Переход «Валькирии» в подсектор A133.

«Люди, которые закладывали ограничители доступа к секретным файлам, – начал размышлять Ник, – не были глупцами». Скорее всего, они продумали и даже проиграли возможные варианты на специальном аналитическом суперкомпьютере, который, как он знал, на порядки превосходил бортовой компьютер его челнока. Их цель была пресечь любую утечку информации, пока «Валькирия» не окажется в звездной системе Z-2. И, признаться, им это удалось. Но, видимо, в миллиардах различных вариантоностей не была учтена глупость и самонадежность стажера Ника Соболева. И теперь все они находились в патовой ситуации. «Валькирия», можно сказать, благополучно добралась до подсектора А, а он не имеет доступа к секретным файлам и не может активировать программу, для которой, собственно, она и предназначалась.

– Умка, – мысленно проговорил Ник.

Конечно, Умка не могла читать его мысли, но тончайшие ее сенсоры безошибочно считывали рефлекторные напряжения его голосовых связок и переводили их малейшие вибрации в слова.

– А не попробовать ли нам взломать код доступа? У нас это раньше неплохо получалось. – Ник даже улыбнулся. Он вспомнил, как в восьмом классе, с помощью Умки подобрав пароль, они вдвоем с Полем угнали флайер его мамы. В Южной Африке, на самом высоком из земных водопадов – водопаде Анхель – проходили соревнования по сплаву. Вид экстремалов сплавляющихся на самодельных конструкциях с километровой высоты, привел их тогда в неописуемый восторг. Так как в Москве в это время была ночь, они, никем не замеченные, ухитрились вернуться домой засветло.

– При попытке взлома программы предусматривается самоликвидация «Валькирии», – как бы издалека прозвучал голос Умки.

«От кого же могут быть такие секреты? – изумился Ник. – Вот так просто взять да уничтожить чудо техники?» В этот момент он как-то не подумал, чем бы это закончилось лично для него.

– Получены первые топографические данные поверхности, – вывел его из задумчивости механический голос.

– Дай изображение на экран.

– Обследовано 10 % поверхности суши с возможностью идентификации объектов диаметром от 500 метров.

– Выводи на экран, – Ник понимал, что это не даст ему даже общего представления о планете, но ему хотелось отвлечься от тяжелых мыслей.

На экране появился объемный шар. Несмотря на то что в основном он был белого цвета – так компьютер показывал еще не исследованную область, местами угадывались контуры материков. Как и ожидал Ник, Северный и Южный полюса были на своих местах. Их покрывали торосы снега, возможно, льда. Размеры пока точно установить было нельзя, но ему показалось, что и здесь неизведанная планета, словно в насмешку, копирует Землю.

– Замечен квантовый резонанс, – резанул слух машинный голос.

«О, это уже что-то», – про себя подумал Ник.

– Запеленговал координаты?

– Да, меняю траекторию зонда 3. Он пройдет над этой областью через 18 минут. Изображение получим через 19 с половиной минут.

– Сейчас что-нибудь можно сказать про природу этого явления? – Ник прекрасно знал, что квантовый резонанс может быть только искусственного происхождения, но самому озвучивать это почему-то не хотелось.

– Характеристики напоминают биполярный квантовый резонанс с односторонней константой. Однако создающее его поле не идентифицируется.

– Попросту говоря, еще одно неизвестное нашей науке поле, – протянул Ник. – Можно определить какую-то родственную взаимосвязь с полем «кокона»?

– Мало данных, – металлический голос резал слух. – Замечен второй квантовый резонанс. Характеристики идентичны первому. Меняю траекторию зонда 2. Расчетное время – 49 минут.

– Что показывает сканирование радиоспектра планеты?

– Весь эфир планеты во всех диапазонах покрыт «белым шумом». Компьютерная модуляция с 99 % вероятности показывает, что «белый шум» – искусственного происхождения.

– Они что, специально создают радиолокационные помехи? – Ник всячески старался избегать выражений, указывающих на присутствие разумных аборигенов, но сейчас слово «они» вырвалось у него непроизвольно.

– Составляю радиолокационную карту планеты, она позволит определить координаты всех передатчиков радиопомех, – монотонно прозвучал голос и сразу без перехода добавил: – Замечен третий квантовый резонанс. Зонд 6 пошел. Характеристики идентичны.

– Что тут, грибной сезон открылся? – не удержался Ник. Его настораживали все эти непонятные поля с их квантовыми резонансами.

– Не понял вопроса. – И опять без перехода: – Четвертый квантовый резонанс. Есть изображение первого объекта.

Одна четверть экрана перестала рябить. Сначала было видно только белое марево, и Ник не сразу понял, что это сильно приближенное изображение облаков. Потом в них замелькали прорехи, и наконец облака, словно сдутые ветром, исчезли с экранов. Ник подавил готовый вырваться вскрик. На равнине высилась и поблескивала, отражая солнечный свет, циклопическая пирамида ярко-янтарного цвета. Несмотря на увеличение, было трудно определить, монолитной ли была ее конструкция или аналогично пирамиде Хеопса сложена из исполинских блоков. Однако то, что она была огромной, не вызывало сомнений. По сравнению с ней редкие рощицы деревьев, словно разбросанные вдоль ее подножья, казались низкой травой.

– Вот эта махина! – выдохнул Ник. – Какие же ее размеры?

– Даю данные объекта, – монотонно затянул компьютер. – Высота 1, 778 километра. Длина сторон основания – 2, 750 километра. Периметр – 11 километров. Площадь основания – 636 километров.

– С размерами достаточно, – прервал его Ник, – что еще?

– Установленный объект является эмиттером обнаруженного квантового резонанса. В том числе является мощным источником «белого шума».

– Чего-то подобного я и ожидал, – задумчиво произнес Ник и добавил: – Есть какая-то взаимосвязь между излучениями?

– Пока не установлено.

– То есть «белый шум» может быть побочным явлением квантового резонанса, а может быть и самостоятельным направленным излучением, так?

– Требуется дополнительные исследования. Есть изображение второго объекта.

На этот раз изображение было мельче – зонд 2 находился на дальней орбите, но более четким. Облачность, как по заказу, стояла нулевая. Насколько хватало экрана, внизу простиралась белая снежная пустыня. Посреди нее торчала точная копия предыдущей пирамиды.

– Размеры? – быстро спросил Ник, уже зная ответ на свой вопрос.

– Полностью идентичны первому объекту. Излучения также тождественны.

– Думаю, то же самое будет и с третьим и четвертым. Вот понять бы, для чего они предназначены?

– Недостаточно данных. Провожу анализ направленности квантовых резонансов. Смогу это определить, как только будут получены точные координаты третьего объекта... – и сделав едва заметную паузу, компьютер закончил: – С пятипроцентной погрешностью.

- А сейчас с какой? – Ника раздражал этот его мертвый монотонный голос.
- С пятнадцатипроцентной погрешностью.
- Слушаю тебя.
- Я бы рекомендовал дождаться отчета зонда 6. Он будет в районе пеленга через 37 минут.
- И тем не менее, – с каким-то детским упрямством повторил Ник.
- Направления квантовых резонансов с погрешностью 15, 7 % указывают на точки Лагранжа.

Дальнейшие события слились в сплошной безумный калейдоскоп. Ник еще как следует не успел оценить значимость этой информации, как пронзительно завывла сирена.

- Зонд 1 уничтожен. Зонд 3 уничтожен. Зонд 4 уничтожен, – бесстрастно бубнил голос. Ник оторопело смотрел, как один за другим гаснут экраны. Вот и по четвертому пошла рябь.
- Координаты и тип атаки! – на автопилоте скомандовал он.
- Атаки импульсные, типа «космос – космос», – и как всегда без перехода:
- Нас атакуют.

Центральный экран словно подернуло серой пеленой, и челнок ощутимо трянуло. Ник машинально защелкнул антигравитационные ремни, и в следующую секунду на «Валькирию» обрушились страшные удары. Все сочленения корабля жалобно застонали. По его корпусу как будто били гигантскими молотами, и от каждого такого удара «Валькирию» бросало в разные стороны. Потом корабль начало бешено крутить, словно щепку, с размаху брошенную в стремительный водоворот. Все незакрепленные предметы сорвались со своих мест и принялись хаотично носиться по рубке управления, ежесекундно сталкиваясь и круша друг друга. Ник рефлекторно ускорился, секунды растянулись, и картинка словно застыла. Он услышал, как из динамиков, медленно, словно по буквам растягивая слова, шел все такой же монотонный голос бортового компьютера:

- Э-ва-ку-а-ци-я, го-тов-но-сть о-один...

Прежде чем секунды опять побежали в своем привычном ритме, Ник увернулся от летящего ему в лицо увесистого кронштейна и в следующий момент почувствовал, как кресло, видоизменяясь, проваливается куда-то вниз. Свободное падение продлилось какую-то долю секунды, затем на него навалилась дикая перегрузка. Перед тем как потерять сознание, Ник еще успел удивиться тому ускорению, которое придала спасательной капсуле погибающая «Валькирия». Антигравитационные ремни полностью гасили перегрузки до 30 д.

На месте «Валькирии» образовался ослепительный шар. От него в сторону спасательной капсулы устремились огненные языки, словно пытаясь поймать ускользавшую от них добычу, но в следующую секунду начали съеживаться и втягиваться обратно. Шар, сделавшись ярко-малиновым, стал быстро уменьшаться, затем, мигнув, бесследно исчез.

Мозг корабля за наносекунды до своей гибели принял единственно правильное решение. Направив остатки энергии в гипердвигатель, он создал дыру в пространстве, которая, словно воронка, всосала в себя всю мощь последнего энергетического удара.

Этого всего Ник уже не видел. Спасательная капсула стремительно неслась к третьей планете.

Глава 3

Охотники шли молча. Силы были давно на исходе, но никто не предлагал сделать привал. Лес был уже далеко, но ощущение его тяжелого взгляда продолжало гнать людей дальше и дальше. Из пятнадцати опытных охотников в живых осталось только пятеро. Да и назвать живым человека, лежащего на носилках, сейчас никто бы не решился.

Сит нес носилки сзади, стараясь не сбиваться с ритма широких шагов Рона. От усталости гудели все мышцы, а кисти рук просто задеревенели. Раненый был крупным мужчиной. Но спина впереди идущего Рона выражала такое презрение, если не ненависть, что Сит только еще крепче сжимал шершавые жерди.

«Я все сделал правильно – в который раз возвращаясь к последним событиям, подумал он. – Все, как учил меня Шептун».

Хотя чувство необъяснимой тревоги не оставляло его ни на минуту, с того самого дня, когда в их деревне появился нарочный Хранителей. Вроде и нечего было волноваться, а совсем наоборот, полагалось радоваться, что Хранители обратились с просьбой именно к их деревне. Случалось такое не часто.

Последний раз это было почти год назад. Хранителям, по одной им ведомой причине, понадобилась самка бородавочника. Охотники тогда почти две недели выслеживали ее. Живой довести не успели, но так это-то и понятно, вне Леса твари долго не живут. Но, как Рон рассказывал, Хранители все равно остались довольны. Оказалось, что самка вот-вот должна была изойтись.

В тот раз каждый из охотников получил в подарок по металлическому ножу в локоть длиной, а Рону как старшему вдобавок дали саженец пьяного дерева. К всеобщей радости мужского населения деревни, брага из него получалась отменной. Правда, не прошло и месяца, как деревце зачахло. То ли от каждодневного использования, то ли, как шептались мужики, от рук новой подружки Рона, которой быстро надоели частые вечерние посиделки.

Сит больше всего любил рассказы охотников, побывавших в Городе. Это была его мечта. Не жить, конечно, в нем, нет. Об этом он даже и не думал. А просто хотя бы одним глазком взглянуть. Поэтому, когда староста сообщил им с Шептуном о новой просьбе Хранителей, Сит испытал противоречивые чувства. В этот раз требовалось найти и принести грибницу. А чтобы она не истлела по дороге, прилагалась какая-то коробка, высланная внутри живым мхом. Шептун еще называл ее странным словом «контейнер». Староста добавил, что Хранители очень заинтересованы в получении грибницы и будут в этот раз особенно благодарны. Они также дали понять, что с этой просьбой обратились еще к нескольким деревням, находящимся на южной стороне Леса. Так что мешкать было нельзя.

Шептун тогда попросил Сита выйти, и они со старостой долго спорили по этому поводу. По доносившимся до него фразам он понял, что Шептун против этого похода. До Сита долетали отдельные его слова: «Око Доминии становится все больше, споры грибов очень активны сейчас... Уже скоро Исход... И без этой грибницы все и так понятно... Идти придется глубоко в Лес... Пусть южане этим и занимаются... Жадность до добра не доведет...»

В ответ слышался басовитый голос Старосты: – «Нам сейчас как никогда нужна благосклонность Хранителей... Я дам лучших охотников... Не преувеличивай... Сколько ты его еще оберегать собираешься?»

Когда, наконец, раскрасневшийся от жаркого спора староста вышел со двора, Шептун молча поманил Сита к себе.

– Сит, мальчик, садись-ка поближе, – впервые за время обучения он услышал ласковые нотки в голосе учителя. – Вижу, ты слышал наш разговор.

Врать Шептуну было невозможно, Ситу иногда даже казалось, что старик читает его мысли.

– Сразу скажу, что я не одобряю затею нашего старосты. Но грядет Исход, и нам сейчас необходима благосклонность Хранителей. Здесь с ним не поспоришь. Я бы сам отправился с охотниками в Лес, но добыть грибницу надо до конца декады. А я уже не так быстр, как раньше.

– Я могу пойти, я знаю дорогу к Зеркальному озеру, – начал Сит.

– Не перебивай, – все так же мягко продолжил Шептун. – Да, ты прав, назревшую грибницу в эту пору ближе всего можно раздобыть там. Но все не так просто. Поверь мне, не зря же Хранители обратились за помощью не только к нам, но и к южанам. А они, как ты знаешь, искусные охотники, не хуже нас. – Старик на минуту замолчал, как бы задумавшись. – Да дело даже не в них, – чуть позже продолжил он. – Что ты знаешь о грибницах?

– Грибницы они и есть грибницы, – не задумываясь, ответил мальчик. – Ну, на них еще растут дымовики. – Сит улыбнулся, вспомнив с каким удовольствием при случае топтал эти желтые шары. Они с мелодичным звуком лопались под ногами и при этом окутывались желтоватым дымком. Дымовики не представляли никакой опасности, но и пользы от них было как от ленивцев мяса.

– Понятно, – вздохнул Шептун. – Нет времени тебе сейчас растолковывать, да и не поймешь... – Он предостерегающе выставил руку, жестом останавливая уже готовые сорваться с губ Сита заверения в обратном.

– Хочешь пойти? Так стремишься попасть в Город? – При этих словах Сит покраснел. Он и не подозревал, что старик догадывается о его давней мечте.

– Молодость, молодость... – проворчал тот, ожесточенно теребя бороду. Верный признак, что старик нервничает. Это-то Сит уже хорошо усвоил за годы своего ученичества. – Ну хорошо, так тому и быть. Тогда слушай меня и хорошенько все запоминай. И да пусть будет к тебе благосклонна Доминия!

Сейчас, обливаясь потом и с трудом переставляя гудящие от напряжения ноги, Сит пытался вспомнить тот момент, когда он вдруг почувствовал, что что-то пошло не так.

До Зеркального озера они добрались, как и планировали, на четвертый день. Никаких сколько-нибудь серьезных происшествий в дороге не было. Если не считать Валу, который сел на подгнивший пень, чтобы перевязать разбухшие от влаги сандалии, и не заметил, что тот изъеден ядовитым мхом. Под сальные шуточки и веселые взгляды охотников Ситу пришлось обработать мазью его пятую точку. Валу стоически терпел, хотя, как Сит по себе знал, боль от ожога ядовитого мха была сильной.

По дороге охотникам время от времени попадались небольшие стайки вечно голодных пожирателей. Когда их мало, эти твари особой опасности не представляют. Треснешь хорошенько копьём одной по башке, они и в рассыпную. Хотя странно конечно, до Исхода еще далеко, а они уже тут как тут в стаи кучкуются.

Несколько раз охотники замечали иглоплюев, всегда пасущихся парочками. Их длинные иглы, красивым веером торчащие из хвостов, пользовались большой популярностью у женщин деревни. Но у охотников была сейчас другая цель. То, что не представляло непосредственной опасности для них, они не трогали. Убивать даже смертельно опасных тварей ради развлечения или сиюминутной прихоти было не в почете. Да и гневить Лес лишний раз было незачем.

На третью ночь недалеко от их временной стоянки послышался рев и топот дерущихся стинхов. Рон, старший отряда, даже подумывал, не убраться ли им подальше от этих гигантов. Но шум борьбы вскоре удалился, и решено было остаться.

Ситу выпало дежурить во вторую очередь и он, сидя у огня, внимательно вслушивался в Лес. А тот жил своей обычной буйной ночной жизнью и никак не реагировал на непрошеное вторжение людей. Ну и хвала за это Небесной Доминии! Мальчик все же еще раз прошептал положенные Слова не сводя взгляда с неподвижно висящего в ночном небе полумесяца.

Доминия все так же безучастно светилась своим холодным, чуть зеленоватым светом. Как тут поймешь, благосклонна она к ним сегодня или наоборот?

Старики поговаривали, что в стародавние времена люди умели с ней разговаривать. Ну, не все конечно. А только те, кто знал Истинное Слово. Ну, это-то и понятно. А сейчас нет. Даже Шептун не может. А Шептун-то ого-го! Всем шептунам шептун! Даже Лес его за своего принимает. Как он говорил? «Если хочешь что-то получить от Леса, представь это себе хорошенько в голове, а потом и проси. Да не так, как все люди просят, а самым сердцем своим проси». – Сит вздохнул. – Легко сказать, да трудно сделать. Может так и у Доминии надо спрашивать? Дурь, конечно, но что не попробовать? – Он задрал голову вверх, пристально вглядываясь в зеленый полумесяц и чуть слышно прошептал: «Всевидящее Око, ответь, что день грядущий нам готовит? Что ждать нам, радость или беду?»

Вдалеке протяжно заревел стинх. Тут же заухали шатуны. Где-то неподалеку зарыдал бородавочник. Затем раздался нарастающий стрекот, треск, шум борьбы. Совсем рядом что-то громко чавкнуло, и все смолкло. Как отрезало.

Сит pokrutyл головой, прислушиваясь. Явной опасности не было. Рон выбрал хорошую поляну для стоянки. До ближайшего дерева не меньше тридцати шагов. Крупной твари заметно не подобраться. Трава молодая, не кусачая. Земля, правда, кое-где вспучилась бугорками. Видать, рыхлитель где-то залег неподалеку. Так-то не страшно, медлительный он больно. Пока прокопается, их уже здесь и не будет.

Однако треск какой-то совсем нехороший был. Так только желтобрюхи трещат. Хотя, какие сейчас тут желтобрюхи? Нечего им тут совсем делать. Вот когда Доминия свое Всевидящее Око откроет, тогда да. Тогда держи ухо востро! Тело мальчика пробила предательская дрожь. Словно в ответ на лике Доминии появилось темное пятно, живо напомнившее человеческий зрачок. Хотя нет. Всевидящее Око сейчас скорее походило на прищуренный глаз лесной твари, изготовившейся к смертельному броску. Сходство было настолько велико, что Сит непроизвольно вскочил на ноги, что есть сил сжимая в руке короткое копьё. Спавшие рядом охотники сонно зашевелились. Риго даже привстал, опершись на локоть, но убедившись, что им ничего не угрожает, улегся обратно, укоризненно окинув мальчика взглядом.

«Что-то я совсем плохой стал! – Сит сел на корточки, безуспешно пытаясь унять бьющую все тело дрожь. – Надо же такому привидеться. Обычное облако. Скоро начну от своей тени шараться. Хорошо, что только Риго меня таким увидел. Он не расскажет. А вот если бы зловредный Гоби, то да, до самого возвращения шуточек бы мне с головой хватило. Хотя, и впрямь, вид у меня тот еще был! – Сит непроизвольно улыбнулся, представив себя со стороны: взлохмаченный, с бешеными глазами и с судорожно отведенным для броска копьём. – А что бы сказал Шептун?» – Сит вздохнул. С учителем бы сейчас было намного спокойней.

Старики, бывало, вполголоса рассказывали, что по молодости Шептун запросто уходил в Лес и чуть ли не жил там месяцами. А когда все уже его считали погибшим, как ни в чем не бывало возвращался с одними ему ведомыми кореньями и травами. Многие его не то что не любили, а побаивались. Но когда кто-нибудь в Долине заболел или получал травмы на охоте, первым делом бежали к нему за помощью. Надо отдать ему должное, в ней старик никому не отказывал.

Шептун жил обособленно, с самого края деревни. Почему он выбрал своим учеником Сита, никто не знал. Может, потому что Сит был подкидышем, без роду и племени. Его грудным ребенком нашли у ворот деревни. Может быть, потому что Сит, не отличаясь особой силой и выносливостью, рос сообразительным мальчиком, имел хорошую память и был очень любознательным. А может быть, просто потому, что годы уже брали свое, и пора было задуматься, кому передать свои знания.

Давно, лет двадцать, если не больше, тому назад, был у него ученик. Как говорили старики, очень Шептун его любил, как собственного сына любил.

Учил всему, что сам знал. Гордился сильно им. Подолгу брал с собой в Лес. Но как-то раз вернулся один, чернее тучи. Ни с кем больше года не разговаривал. Да и сейчас разговорчивым его не назовешь. Никто так тогда и не решился спросить, что произошло. Решили, что Лес забрал. С тех пор Шептун уже далеко и подолгу в Лес не ходил.

Три года назад на их деревню выпал жребий Приношения Даров. Шептун, будто нехотя, сообщил Ситу, что первый этап его обучения закончен, и приказал собрать все необходимое в дорогу. Как подозревал Сит, их путь лежал к Каменным Вратам, туда, где из года в год приносятся дары Лесу и где, как он очень надеялся, и произойдет его посвящение.

Целый день Шептун отбирал лучшие плоды, которые со всех окрестных деревень свезли к ним собиратели. Сит ходил за учителем по пятам, стараясь ничего не пропустить и все хорошенько запомнить. Тот не спеша бродил между рядами. Что-то шептал себе под нос, смотрел плоды на свет, нюхал и чуть ли не пробовал на вкус. Иногда он откладывал особо понравившийся в сторону, чтоб через какое-то время снова к нему вернуться.

Плоды были один лучше другого. Это-то как раз и понятно. Каждая деревня собирателей стремилась к тому, чтобы именно ее плоды были принесены в Дар. Поэтому привозились самые отборные. Под конец дня Шептун наконец отобрал двенадцать лучших. Сит, набравшись мужества, все-таки задал учителю мучавший его весь день вопрос: чем привлекли его именно эти? На что Шептун в своей немногословной манере ответил, что надо прислушиваться к своему сердцу. Сит весь остаток вечера старательно прислушивался, но так ничего и не услышал. Наверное, это умение придет к нему после посвящения, решил больше не мучить себя мальчик.

Конечно, он знал много Слов и мог заговорить любого случайно встреченного перевертыша или даже пару иглоплюев. Мог правильно попросить и взять у Леса побег, корешок или саженец. Но это умел делать почти каждый опытный охотник его деревни. А вот попросить Лес, как это делал Шептун, расступиться и показать самую короткую потаенную тропинку или заставить свернуть с пути бегущую во всю прыть голодную стаю ложенужек, на это Сита не хватало.

Уже начало смеркаться, когда наконец Шептун огласил свой выбор. Столпившийся народ, уже порядком подуставший от томительного ожидания, с радостью приветствовал победителей. Из почти тридцати поселений собирателей, принявших в этом году участие в Праздновании, только восемь оказались победителями. А четыре из них даже дважды. У них Шептун отличил аж по два лучших плода.

Те, кого на этот раз благословение Доминии миновало, не очень долго печалились. По старой традиции победители должны были всю ночь напролет поить проигравших доброй брагой и угощать всевозможной снедью, привезенной с собой. А так как наперед никто не знал, чьи плоды будут выбраны, то каждая деревня собирателей везла с собой лучшие угощения. Обычно праздник затягивался на три дня.

Люд нестройной толпой потянулся к центру деревни, где женщины предусмотрительно накрыли столы. Шептун же вместе с Ситом отправились к себе заканчивать последние приготовления. К каждому дальнему походу в Лес Шептун всегда готовился основательно. Всю ночь они нараспев читали Слова и обкуривали себя благовониями из корней ветвистой мандры. Только на рассвете, когда Доминия закрыла свое всевидящее изумрудное Око, а ласковые лучи Орфиуса чуть тронули землю, они отправились в путь. Дорога была дальняя. Тогда-то Шептун и поведал ему Истинное Предание.

Сит в детстве наслушался много разных историй и небылиц, которые рассказывали старики, коротавшие вечера у центрального костра. Ему, как и всем его сверстникам, нравилось слушать нескончаемые предания о событиях большой давности. Он почти все их знал наизусть, но то, что поведал ему учитель, выслушал, затаив дыхание. На этот раз обычно немногословный Шептун превзошел сам себя.

«Когда-то, давным-давно, – глядя куда-то вдаль, затянул Шептун своим монотонным с хрипотцой голосом, – люди пришли в этот Мир, спасаясь от демонов. Они искали убежище, и Лес дал им его. Он пропустил бегущих людей, а перед демонами закрыл своими могучими ветвями дорогу.

В то время многие из людей знали Истинное Слово. Лес внимал им и охотно делился своими плодами, ничего не требуя взамен. Все, что было надобно для жизни, люди брали у Леса. Пищу, одежду, кров – все это они находили в его ветвях. Сейчас те слова, которыми пользуемся мы, – всего лишь отблеск лучины, зажженной от костра Истинного Слова.

Но с каждым поколением людей рождалось все больше и больше. И в какой-то день им стало тесно в Лесу. Многие ушли и построили Город. Часто в преданиях, которые ты, наверняка, слышал от наших стариков, его называют Старым, или Затерянным Городом. Люди стали возделывать поля и растить саженцы плодоносных деревьев. Так появились собиратели. Когда им требовались еще саженцы, люди шли и брали их у Леса. Так появились охотники. Это было счастливое время, эпоха всеобщего благоденствия. И если бы не человеческая жадность, то жили бы мы в мире и согласии до сих пор.

Но людям нужно было все больше и больше. Они стали брать у Леса все, что им хотелось, не спрашивая на то его разрешения. Тогда-то и появились первые твари. С той поры только помнящие Истинное Слово могли беспрепятственно входить в их владения. Но таких оставалось уже очень мало. Чтобы сберечь Слово, они передавали его своим избранным ученикам. Слово переходило из уст в уста. Так и появились шептуны. Жаль, что изначальные, верные слова забылись от многократного пересказа, – в голосе учителя Сит услышал столь редкие для того нотки сожаления, – а может, мы их просто разучились правильно произносить? Этого уже никто не узнает.

Но и тогда люди не остановились, не стали менее алчными. Они решили наказать Лес. Хорошо вооружившись, а в то время оружие было не чета нынешнему, воины вошли в него и принялись уничтожать тварей. Одну за другой. Шли не спеша, шаг за шагом проверяя каждый кустик, заглядывали под каждый корешок. Когда находили их гнезда, убивали всех. Кого убить не могли мечом, выжигали огнем. Долго продолжалась эта бойня. Не один раз всходил Орфиус на небосклон... А когда темнело, людям светила своим зеленым светом всевидящая Доминия. Так, уничтожая все на своем пути, воины дошли до Лесного озера, прародителя Леса. И вот тогда, когда победа, казалось, была окончательной, и случился Первый Исход.

Мириады тварей живой волной прокатились по людям и хлынули дальше в сторону Города. Больше половины воинов погибло сразу. Те, кому посчастливилось выжить, повернули назад, ужаснувшись участи, ожидавшей их семьи, оставленные без защиты. Старый Город не имел таких неприступных стен, какими окружен сейчас Великий Город. Однако небольшой гарнизон, оставленный на страже, бился до последнего. Сражаясь и умирая с оружием в руках, он ценой своей жизни выпросил у Ушедших Богов немного времени. Благодаря этому старики, женщины и дети успели укрыться в подвалах своих жилищ и переждать нашествие. И вот с тех самых пор раз в десять лет свершается Исход. А чтобы он не был таким сокрушительным, как тот, Первый, люди накануне его начала и приносят дары Лесу».

– Все, привал! – вывел его из задумчивости голос Рона.

Орфиус, завершая свое привычное шествие по небосклону, медленно опускался за Костяной хребет.

«Скоро стемнеет, надо успеть подготовить стоянку», – подумал Сит, с трудом разжимая занемевшие кисти рук. Немного размяв пальцы, он заставил себя осмотреть раненого.

Риго был еще жив, но тело на ощупь казалось деревянным и холодным. Рана на бедре уже не кровоточила. Укус желтобрюха вызывал свертывание крови, она становилась густой, как смола, и человек неизбежно погибал. Сит беспомощно смотрел на умирающего. Он ничего не мог поделать. Если бы желтобрюх ужалил того в руку или ногу, тогда можно было сделать

перетяжку выше укуса. Яд распространялся бы по телу значительно медленнее, и тогда была бы еще надежда успеть донести Ригу в деревню живым. И если бы Сит не потерял мешочек с противоядиями, который собрал ему в дорогу Шептун!

Тут Сит украдкой бросил взгляд на Рона. Охотник обходил по кругу поляну, где они решили сделать привал. Он то и дело тыкал копьем в подозрительные выросты на деревьях. «Ищет ложных меховиков», – устало подумал Сит. В этом весь Рон. Как бы ни был утомителен переход, безопасностью он никогда не пренебрегал и от других требовал того же. Жесткий человек был Рон, но охотники его уважали и слушались беспрекословно. Все знали, что для Рона жизнь соплеменника, что своя собственная.

Что сейчас творилось у старшего на душе, об этом Сит даже и думать боялся. «И когда же я мешочек-то упустил? – Сит еще раз покрутил в пальцах обрубок ремешка. – Видать, желтобрюх его клешней-то своей и срезал. Просто чудом, как меня не зацепил. А то лежал бы себе сейчас у Зеркального озера, и ничего бы меня уже не тревожило. Эх, был бы Шептун сейчас здесь, он бы помог», – в который раз Сит вспомнил учителя.

Став на колени, он кончиками пальцев коснулся висков Ригу и закрыл глаза. Единственное, что Сит еще мог для него сделать, это уменьшить боль, погрузив раненного в глубокий сон. Если Ригу и умрет, то пусть это будет во сне... Когда легкое покалывание в пальцах исчезло, Сит тяжело поднялся.

Валу и Гоби сидели, привалившись к большому дереву, даже не сняв наплечные мешки. Рон, напротив, стоял, широко расставив ноги, и буравил колючим взглядом Сита.

– Я все сделал правильно, – ответил Сит на его немой вопрос. – Лес согласился отдать нам грибницу. Это я почувствовал точно.

– Тогда почему он на нас напал? – на скулах Рона ходили желваки, он едва сдерживал свою ярость.

– Я не знаю, – Сит робко развел руками. – Это был кто-то другой. Я не могу объяснить. Как будто кто-то их позвал.

Рон длинно сплюнул под ноги и отвернулся. Несмотря на душившее его бешенство из-за неожиданной гибели десяти его людей, он сумел взять себя в руки. Рон был опытным охотником и всегда отличался хладнокровием в самых губительных ситуациях. Недаром его всегда выбирали старшим отряда. То, что они еще живы, была в первую очередь его заслуга.

Когда вокруг начал твориться кромешный ад, он вместо того чтобы искать спасение в плотных зарослях мандры, бросил отряд вдоль кромки Зеркального озера. Это было почти безумием. Перепрыгивая с кочки на кочку, остатки отряда проскочили опасную топь и выскочили на спасительную каменистую почву. Буквально через мгновение серебряная гладь озера вспучилась и, словно гигантским языком, слизнула стаю желтобрюхов, преследующих охотников по пятам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.